

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ой

25-го февраля 1929 г.
П Р А Г А

30

30

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО
ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го лютого 1929 р.
Р Р А Н А

РІК ВИДАННЯ 2-ий

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. С. Савицкий: Кубань.
2. Константин Поляков: * * * Стихи.
3. Ис. Быкадоров: Загадки казака Д. З. С. в Москве Белокаменной.
4. Любовь Самсонова: В детской.
5. Юрий Гончаров: * * * Стихи.
6. Владимир Поляков: * * * Стихи.
7. А. А. Гейман: В карауле.
8. А. Персидков: * * * Стихи.
9. Н. Качанівський: * * * Стихи.
10. Д-р С. Федоров: Ф. А. Щербина.
11. Инж. Бейсуг: О географическом положении К. З.
12. Д-р А. Балабас: Реформы или грабеж побежденных?
13. Шамба Балинов: О чем заботятся руководители К. А. О.
14. И. М. Евсиков: О сельском хозяйстве родных Краев.
15. П. Нос: Новые разговоры.
16. Думы и мысли: О политике. Вл. Куртин. Казаки о „В. К.“ Неказаки о „В. К.“
17. Казачья эмиграция.
18. В Казачьих Землях.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Польша. — О. К-о. — Одержано. Дякуємо.
Румыния. — В. Е. — „Неогложная реставрация“ получена. Подойдет. Остальное письмом. Привет!
Югославия. — Смедерево. П. Г. То, что можно будет, — будет послано. Многого нет. „История Казачества — пока только проект, подлежащий осуществлению. При поддержке казаков осуществлен, конечно, будет. Привет!
Пшибрам. — В. — К сожалению, адрес Вашего брата редакции неизвестен.
Болгария. — Груше казаков. Спасибо!
Польша. — В. С. — Просьба исполнена.
Нью-Йорк. — М. Г. Получено. Спасибо. Журнал послан.
Югославия. — А. С. Получено. Воспользуемся.

Ужгород. — М. Л. — Сообщите адрес, иначе книжку послать нельзя.
Бельгия. — И. Е. Получено. Вам будет послано. Просимого „статистического“ материала подруками нет. Когда будет — пошлем. Никакого „недоразумения“ нет.
Болгария. — И. Е. — „Воспоминания“ получены. Подойдет. Привет!
Підк. Русь. — В. Т. — Листа одержали. Пришлите оригинальную статью. Вітаємо!
Брно. — Вл. П. — Получено. Привет!
Горні Черношице. — Н. К. — Дякуємо за добре слово.
Брно. — К. П. — Получено. Привет.
Югославия. — М. З. — Получено.

После продолжительной и тяжелой болезни 15-го сего февраля в Праге Чешской скончался

Олег Билый

(28-IV-1926—15-II-1929)

Спи, родной, — отец и мать не забудут тебя никогда.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ

П. В. Нос.

София. Антим I, 75.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундюков.

Београд, Кочина ул., 1.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров.

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

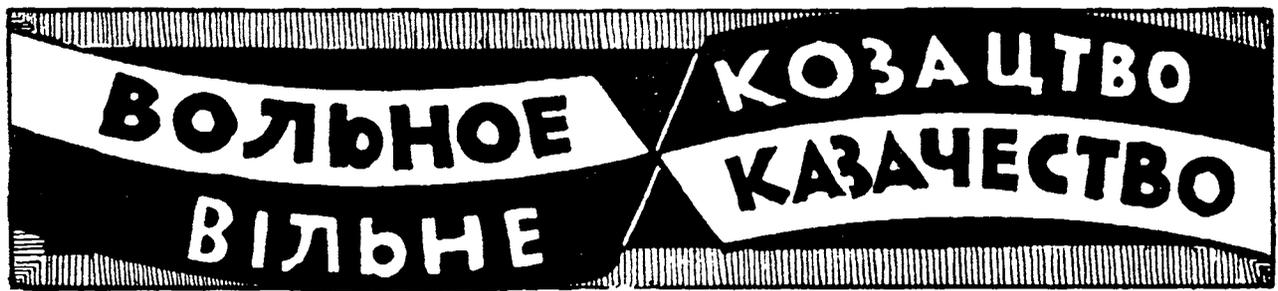
В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Розыски.

Всех лиц, знающих что либо о судьбе или местонахождении Василия Христофоровича Сидорова, прошу сообщить по адресу: Polska, W. Sidorow, poczta Kłomnice, powiat Radomsko.

Просят отозваться:

Сергей Дм. Ралко казаков ст. Новолешковской, Василий Ив. Мисенко — казаков ст. Медведовской; Алексей Мих. Гузий — ст. Брюховецкой; Иван Ив. Фатин — ст. Аржановской В. В. Д. Адрес всех — Болгария г. Пловдив, Бюро „Въча“ Василий Ив. Панченко и Иван Яков. Шевченко по адресу — Болгария, сел. Кричим элек. сент. „Въча“.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Под редакцией И. А. Билого.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 30

Прага, понедельник 25-го февраля 1929 г.

№ 30

С. Савицкий.
(Бразилия).

Присв. Ф. А. Щербині з нагоди
80-ти літнього ювілея його на-
родження.

КУБАНЬ.

Ви ще не знаєте Кубані,
Її небесної краси.
Там розлились степи безкраї.
Співають в зелені ліси.
Там у повітрі кобза грає,
У квітах пишних спит земля.
Ріка Кубань сміється, сяє...
Вгинає золото поля.
Ви ще не знаєте Кубані,
Лісами там ростуть садки:
Дівчата гарні — наче в гаї
Весною квітнуть маківки.
В садах, як сніг, біліють хати;
У вікна лізуть квітники.
Кубань -- веселий край, багатий.
Живуть там славні козакі.

Константин Поляков.
(Брно)

* * *

Затихли песни, умолкли трубы,
Тревогу кинув в седую мглу...
В краю далеком чьи то губы
Молитву шепчут в святом углу.

Их много там за синим морем
С мольбой, переходящей в стон.
В тоске разлуки, в беде и горе
Спасенья ищут у икон.

А дни идут, в года сплетаясь,
Надежда с верой — в цепях времеч...
Придет ли час, волной играя,
Увидит нас ли, седой наш Дон?..

Затихли трубы, но звук тревоги
Растет и ширится в степях,
Сильнее тяга к родным порогам,
Все ярче пламя любви в сердцах.

Победой новой, бессмертной славой
Сотрем мы слезы с родимых глаз
И крови братьев, кровавой лавой
Дадим покой в тот грозный час.

Ис. Быкадоров.

Загадки казака Донской Зимовой Станицы в Москве Белокаменной.

(Старобытний сказ).

(Продолжение).

И как это раньше люди не примечали, пригляделись что ли, и вправду у боярина чрево то, точно бурдюк, а как сказал казак, — оно ровно вдвое выросло. Весь народ как на дыно дивное, или чудище заморское на брюхо боярское уставился; поглядят, друг с дружкой словом перекинутся и закатятся.

А у Лексея Семеныча, знать, Господь до конца разум отнял в наказание, что крестное знамение наложить на себя погнушался: вскочил он с лавки, как в знобу весь затрясся да с дуру снизу живот свой, точно наготу в бане, обеими руками и прикрыл. Ну, народ, глядя

на то, и совсем залился. Приспешники боярские, на что Лексею Семенычу люди свои и те: кто в бок отвернулся иль вниз нагнулся, а иной и назад отхилился, чтоб лик свой от боярина скрыть — и их смех разбирает.

А станичники... ну да те что, ровно жеребцы ржут по весне зеленой травы хвативши, за бока свои взялись надрываются, чуть накорячки не садятся.

Смеху то, смеху сколько было. Всем с боярина потеха, а только для одного детины с того едва великая беда не приключилась: с натуги, аль с чего, рот свой закрыть не может, стало быть, скулы свело у парня.

Человеку беда пришла, а людям что, новая потеха с того, как он с открытым ртом что-то сказать тужится непонятное как немой балобонит; глядя, уж и с того надрынаются.

Да благодарение Богу, оказался поблизу бывалый, уважаемый на Москве человек; костоприв, увидел то, да как даст со всего размаху кулаком по скуле того парня: салазки стало быть на место и поставил. Тем и спас того детину от беды великой — до скончания живота с разинутой пастью ходить, да еще у людей рото-еем прослыть.

Сел было боярин на лавку, а потом вновь вскочил, да как закричит казаку:

— „Поостерегись, окоянный, укроти свои речи воровские, не у себя ты в стороне басурманской, а в Москве православной, найду на тебя тут управу: в тюрьме сгною“.

А казак хоть бы что! усмехнулся, покрутил усы, да и говорит, как ни в чем не бывало:

„Вишь каков ты: я с тобой еще и поздравствоваться не успел, а ты уж сердчаешь. Не в первой ведь с тобой встречаемся. В день Водосвятия у „Царского стола“ и ты, чай, был: вместе царской хлебом-солью чествовались? Не заметишь что-ль ты меня? А я как раз против тебя за столом сидел“?

А кум Михайлы Гаврилыча и брат его по кресту *) казак Степан Семеныч Каракор говорит ему:

— „Та що це ти, Михайле, московини кажут, що той боярин до царських палац і шлях забув“.

А Гудима будто как удивляется: „Нешто опознался я, да не должно того быть, николи такой промашки не было. Бывало у себя на Дону, хоть раз увижу мерина, другой раз — бесприменно по какой ни на есть отмегине признаю. И у этого, как у того, что против меня сидел такие же кулижи на щеках виднелись“ — говорит, будто своему куму поясняет, а после самому боярину говорит, как дитю малому: „Вишь ты каков, я еще до дела и за гриву не взялся, а ты уж норовишься да брыкаешься“.

И как ловко казак боярина поддел: и мерину его уподобил и, что не московской породы он намекнул, а людям то, как не понять, ежели вся Москва знала. А в народе меж себя речами обмениваются: „пойди — найди управу на казака Зимовой Станицы, хоть и в самой Москве, ежели их сам царь жалует, у стола своего чествует, как послов государских, иноземных. А которые престарелые, люди бывалые, про себя и думают: „да как же их царю не жаловать да не чествовать, ежели они его на престол посадили“.

В то время люди стали кричать: „Ведут, ведут; расступись православные!“ Которые и сами расступились, иных „хожалые“ **) расгодили. Глядят казаки, что за диво: саженную медведицу два парня дюжих на цепях ведут, а с ней медвежонок годовалый, иль поболее; с пол-медведицы будет. Самая здоровенная и лютая у боярина Плещеева была: обычай был на Москве: медведей во дворах держать.

— „Поглядим, есть у тебя сила какая, или язык только так свой чешешь, перед народом бахвалишься“, — говорит Алексей Семеныч: „сдюжай медведицу, большой заклад поставлю, за тем не постою. Не однажды Миша Епифанец ее борол; ежели есть у тебя сила настоящая, так ты ее и подавно должен сбороть“, — говорит боярин, а сам думает — „погоди окоянный, как сгребет она тебя, да твора помнет, не скоро а может, даст Бог, и николи с того не отдышишься“.

И единого разу купецкий сын медведицу не сборот, да сказал то боярин для затравки, хотел казака припереть, чтоб некуда тому было б деться.

— „Не плохо ты то умыслил: что же, за мной дело не станет. Только сам знаешь, боярин, за всякое дело знаючи да умеючи надо браться, а животина та нам, казакам, совсем в диковину. В „минувшие годы“ может и водилась у нас на Дону, да только теперь видом ее не видать, извелась знать. Ты же ее у себя знать на вору не первой год держишь. Покажи, поучи, какая хватка с ней должна быть. Подюжайся с медвеженком

*) Обменявшиеся крестильными крестами.

***) Полицейские, „стражники“.

наперед ты, а тогда и мой черед за медведицей. Сдюжаешь, прознают на Москве, каков ты еще молодец, глядя какой красной девице и приглянешься, ну что ж — „честным пирком да и за свадебку“; возьмешь мой заклад и невесту свою нареченную подарить“.

С теми словами снял с шеи своей Михайла Гаврилыч ожерелье жемчужное, потряс над головой, чтоб народ заклад его видал, и передал своему куму, Степану Каракору. А ожерелье, видать, большой казны стоит: зерна с горошину, ровные, одно к одному, самоцветью так и переливаются. А в народе молвят: и кому такой черт приглянется, нешто ведьме лысой, а иные говорят: „да в век ему медвеженка не сдюжить, ему и не облащить его — бурдюк не пустит его“. Людям и подумать уж потеха, как бы это боярин с медвеженком дожился.

А один из приспешников боярских, поумней, знать, других был, видит, что Алексей Семеныч сробел и молвить уж не умеет что, иль уберечь его хотел, чтоб тот, на ожерелье казацкое польстившись, и в самом деле сдурю не стал с медвеженком дожиться, и говорит:

— „Рехнулся ты, видимо, совсем умом. Виданное ли то дело, чтоб думный боярин с животинкой на потеху людям стал дожиться. Пораскинул ты малым умешком то своим — „в честь“ было б то боярину московскому?“

— „А неучасно ты думаешь, по дурасти своей великой, мне, казаку донской Зимовой Станицы, та потеха была бы в честь? Обычай уж таков: каков ни на есть напой, а первую чарку хозяину надлежит выпить, а ежели не по вкусу и не по нугру, так ты им и гостя не потчуй“.

И не сошлось то дело у казака с боярином, и велел Алексей Семеныч животину увести.

А приспешники меж тем давно уж меж собой переговаривались, в народе с кем то переглядывались, с подхвачившими молодцами-ребятами переиспытывались.

Не укрылось то от станичников да и от самого Михайлы Гаврилыча, подмигнул он им — во все стороны доглядывать, сторожиться, чтобы ненароком беда, пакости какой не приключилось. Давно уж с улицы, перушков да с задних рядов московские бойцы по одному и по два наперед проталкивались: по указке приспешников боярских норовили сзади и с боков собраться, да со всех сторон на станичников и ударить. Да только проберется наперед какой боец московский, поглядит на Михайлу Гаврилыча да на казака-татарина взглянет, что рядом с ним стоял, да и назад.

А татарин тот, казак базовой татарской станицы Черкасского городка, на голову повыше Гудимы был, косяя сажень в плечах, руки до колен, как раз подетать в пару был Илюше Епифанцу. Да и страшный был: шрам сабельный через весь лоб и правую щеку, а морда осинами вся как есть изедана. Большой, богатырской силы был казак-татарин Темира Мурзина, да голышко в кулачном бою не дойти ему было до Михайлы Гаврилыча, хватки не было той.

Московским то было неведомо, а им ровно детям малым, неразумным, чем больше иль много, то и любо, то и здорово.

Поглядит боец московский, наперед пробравшись, на Михайлу Гаврилыча и Темира Мурзина и заробеет, да назад, назад, подальше от них — взад или вбок проталкивается, будто как товарища своего иль сродственника какого разыскивает. Да и впрямь, кому ж охота свою жену вдовой на белом свете оставить, детей малых осиротить. Ежели тот, донской боец, Илюшу едва до смерти не зашиб, так ежели до чего дойдет, это страшилище, ядолище поганое, бесприменно с одного удара в гроб уложит, так уж пусть другие, кому охота, на них кидаются, думают московские бойцы. Так и не собрались: одни наперед проберутся, а другие подале назад или вбок уж убрались.

! * * * — „Не судьба мне с первым бойцом московским „вдругорядь“ удариться, а охотника много, знать нету, так на другом поладим. Четырнадцать нас тут казаков донских. Знамо не для кулачных боев, не для потехи выбирало нас все великое Донское войско, в Зимовой Станице посылаючи, есть на Тихом Дону и поздоровей и поухватистей нас, да как же уж случались. Выставляй-

те и вы против нас 14 бойцов любых: московских и равно и замоскворецких, да добавок еще с пыток прикиньте", — так и сказал Михайла Гаврилыч к народу с речью своею обратившись.

А где же на Москве бойцов таких сыскать, чтоб против казаков в кулачном бою устояли, хоть бы их против них и вдвое было.

Супротивник Илюшин половину уберет, а с другою татарин-казак справится, а остальные у самих казаков и добавок, про запас останутся.

— „А ежели кулачный бой не по нраву вам, так можем и сабельками удариться, малость погешигься: готовы принять по два, по три и по пяти сабельника на каждого брата“.

— „Ишь, ровно лютые звери, как до крови жадные. Не басурманская страна тебе тут сабельками биться“, говорит боярин.

— „Что ж, иные умеют, может ведаешь то, и капли крови не пролив, человека в гроб уложить на тот свет спроватить; не в обычай нам то, мы от пролития и своей крови не зарекаемся“.

Сами станичники знали, ведали, что не в обычай в Москве биться сабельками, да сказал то Михайла Гаврилыч для острастки, чтоб все про другое знали, ведали, а кто и на ус себе намотал, ежели до чего дойдет, пакость какую против казаков учинить замыслят, то и до сабель дело может дойти, а в обиду поругание казани не дадутся, не такими они.

Подозвал после того боярин Демсей Семеныч купца Трифонова, что-то с ним и с приспешниками переговаривается, а у купца того была лавка красного товара, от Спаса шагов со ста стояла. Переговорил боярин с купцом, встал со скамьи и говорит:

— „Слыхали вы, православные, как казак тут языком веред свой во рту чесал, сабелькой своей похвалялся. Поглядим, пригоден ли он, на какое ни на есть дело, хоть бы и сабелькой своей владеть?“ сказал и, сойдя с помоста, с купцом к лавке его пошел. Новое что-то, знать, боярин умышлял, а что — никому невдомек, никому невдогадка. Не особо много и времени прошло, а боярин назад уж идет, а купец что-то с собой несет. Взшел боярин по ступенькам на помост и говорит:

— „Слыхали, как казак владеть своей сабелькой похвалялся, так пушай пересечет ею сие“, — и, взявши у купца поставец сукна полторааршинный, четверти полторы ширины да с четверть толщины, боярин показал народу и сказал после того:

„В минувшие годы, в царствование блаженной памяти государя и царя Ивана Васильевича был, сказывают, на Москве стрелец — не только один, а и два поставца в раз своей саблей пересекал начисто. Пушай казак, хоть один пересечет, ежели в ем сила да хватка есть“.

„Угадал, боярин; нам, казакам, саблей своей орудовать, что ковалю молотом, иль косою нахарю, дело привычное. Мой заклад тебе ведом, ставь и ты свое“ — сказал Гудима. И поставил боярин в заклад красного товару на выбор, сколько казак в один раз из лавки вынести может.

А в народе болтают: невидаль какая, казаку поставец саблей пересечь. А которые бывалые, люди знающие, разясняют, что совсем то дело недостаточное, чтобы казак поставец пересек, еще и не нарождалось такого человека: на что — каравай хлеба печеного, горячего иль подушку пуховую, кажись, пересечь дело простое, а пойди-ка, попробуй. А что про минувшие годы боярин сболтнул, то про них все, что хошь можно сказывать, потому не осталось от них живых людей, которые сказали бы: „врешь, того не было“. Да и не всегда на Москве поставцы были одинаковы, в минувшие годы может против теперешних ровно вдвое меньше и были.

Поставили ребята по указке Михайлы Гаврилыча перед помостом скамью дубовую, велел он купцу близ конца его поставец поперек положить (после и сам рукой поправил), а на другом конце лавки Темире Мурзину велел сесть, знать, ради для упору.

Отпоясал Михайла Гаврилыч кушак с сабелькой; снявши с себя кафтан меховой, в зипуне одном остался, а после того сабельку из ножен вытянул. А сабля у Михайлы Гаврилыча, от родителя ему в наследство досталась, пальца в 3 ширины, а к концу изогнутая,

полосатая, тяжелая была, увесистая; и не всякому казачку в пору было ей владеть, а Гудиме как раз по руке пришлась.

— „Расступись, православные, неровен час, кого б не зашиб“ — гаркнул казак точно протоиерей из собора Успенского; да так, что иные люди расступились, а иные пужливые шархнулись.

А кум Михайлы Гаврилыча, Степан Каракор, подбадривает его: „с протягом, Михайле, безпереминно с протягом рубай“, говорит ему то наставительно.

Отошел Гудима от помоста шагов с двадцать, остановился... меж ним и лавкой ровно проулок образовался... остановился, повертел саблен, раза два над головой поднял, будто как примеряясь, а после того, перекрестившись, как бросится со всего разбегу к поставцу. Перед лавкой самбй, как петух на бок, вверх полскочил и ухнул как коваль в кузю.

Кто видал, а кто и нет, как над головой у казака сабля блеснула. Скакнул вверх, а после аж на одно колено присел. Иные крестным знаменем заверяли, что как блеснула сабля над головой у казака, так аж рудая сделалась. Да голько зря го люди болтали, московским чего не померещится, чего они не сбренют; вэчего сч было рудой и делаться, была уж такая: с обеих сторон до половины червонным золотом, заклятиями басурманскими была вычеканена.

Ото винулся малость в сторону Гудима; глядя люди: по сторонам скамьи по половине поставца лежат чисто-на-чисто пересеченные.

Ахнул народ московский, на то глядячи.

Отдал Михайла Гаврилыч саблю своему куму... с у самого сзади и под мышкой правый рукав по шву расшелся, от натуги знать, да не смущается тем Михайла Гаврилыч, будет теперь чем зачинить, иль новым с чего справиться.

Взял он одну половинку поставца да придержал малость, видать, разлядыкает, и что же: вынимает из него стержень пальца с полтора ширины да в мизинный толщины. Зажал в руку за конец его и, показывая народу, говорит:

— „Прискучило, знать, во боярах быть, в купцы переписанные замыслил боярин Плещеев. Поглядите чем силу казачью испыгывать умыслил: аршином, снарядом купецким.“

Как увидал да услышал то народ — „зашумел“ возмутился против мошества боярина.

— „Ишь, прод окоянный, и тут без пакости не обшелся — аршин железный в поставец всунул“ — крикнули из народа. А люди еще более диву дивятся, что не токмо казак поставец пересек, а еще с аршином железным.

А Михайла Гаврилыч стержень опустил и за голенище себе схоронил, из другой половины такой же вынул и туда же засунул. Молчат, сидят приспешники, воды в рот набрали; только встал один из них, что поумнее других был, да и говорит:

— „Слыхали, православные, как давеча перед народом казак своим умом-разумом похвалялся, а какой он у него воочию теперь всем видно. Силу то силой, а наперед того разум-догадку казачью бояре испытать умыслили. У которого она истинно есть, тот наперед семь раз отмерит, а тогда отрежет. А казак не токмо в поставец заглянуть, а и в руки его взять да попробовать не удосужился. Не разум то — не рассмотревши броду, кидаться в воду“.

А Михайла Гаврилыч, на ту речь усмехнувшись, так ответствовал:

— „Долго жаба на добычу свою глядит — с места не двинется; не семь раз, а может десять и больше примерится, а все же промашку дает, а орел сизокрылый, иль сокол высоко в небе летает, раз всего „приметится“, как стрела ударит и промашки не даст. Не в обычае нам казакам, не снявши с плеч в чалме голову, наперед того разглядывать под чалмой то волоса — обреты иль нет. С московскими людьми мы, донские казаки, роду разного, потому и обычаи и повадки у нас иные. Вы покель примеритесь, то и головы и затылка да и других мест начешитесь, а ежели б мы то делали — без голов сами бы остались“.

А после того повернулся Гудима к Лексею Семенчу да и говорит ему:

— „Спаси тебя Христос, боярин (и головой ему в усмешку поклонился), что, хоть и, по дурости своей, а все же заклад ты мне взять пособил. Где ж то видано, чтоб за одним разом поставец можно было пересечь; не чаял и я с ним управиться, да зазорно уж было мне отрекагся. Сам ведаешь в поставце товар мягкий, никакой твердости в нем нет, потому и пересечь его никому не мочно. А ты, дурья твоя голова, аршин железный в поставец и засунул, тем ему и твердость и упор дал, в таком разе и пересечь его не диковинно“.

Стал тут Лексей Семенч вилать, увертываться, сказывать, по ошибке де аршин железный в поставец оказался, ненароком как его туда раньше купец всунул, а он, боярин, де не при чем. Стал он больше против прежнего заклад сулить, ежели без аршина, без упора всякого поставец казак пересечь, возьмется. А Михайла Гаврилыч боярину на то так отвечивал:

— „Повремени малость, с год-с два; приеду в другой раз на Москву в станице, наберусь еще силы на Тихом Дону, тогда может и возьмусь, а теперь сам знаешь: нечего за журавлем в небе гоняться, ежели уж синица в руках“. А после того и говорит купцу Трифонову:

— „Пойдем, поглядим, что за товар у тебя такой?“ Пошли они вместе к лавке его. Идет купец за следом казака Гудимы, как банный лист к затылку его пристал, и молвит ему:

— „Не губи ты меня, казак, смилуйся. Не пускай ты меня с женой да с детем малым по-миру: ты из лавки моей, чай, весь лучший товар унесешь, а мне за него казны с боярина до скончания живота своего не сыскать. Смилуйся Христа ради. Возьми с боярина вместо товару отступное деньгами. Как на духу тебе во всем похощь...“

Подошел Михайла Гаврилыч к лавке купецкой, посмотрел на нее с одной стороны, на другую зашел, да и спрашивает у народа, который тут был:

— „А что, православные, лавка эта боярина Плещеева, или купецкая, и товар в ней чей?“

— „Знамо купца Трифонова, и товар весь купецкой: ничего в ней боярского нету-ги“ — люди ему говорят.

Поворотился казак и назад к помосту пошел, а за ним купец и народ весь. Возввернулся Михайла Гаврилыч и в упор боярину молвит:

— „Так-то ты, чертова твоя голова, аспидов сын, может и иной чей, обманом хотел взять: я свое добро в заклад ставил, а ты чье? чужое, купецкое?“

— „Не твоя печаль, забота: за весь товар я сполна из своей казны заплачу“ — говорит боярин.

— „Как это не моя? Да об заклад то ты с кем бился? Да нешто можешь ты истинно по честному заплатить, ежели ты и меня при всем народе честном не сешь, а может десять и больше раз обмошенничать примерялся, так уж купца бесприменно обманешь. Не хочу я добра чужого брать, к мошенству твоему быть причастным, тебе в нем пособником быть. Вот сказ тебе мой: возьму я с тебя отступного 100 рублей да в придачу поставцев шесть всяких: потому как прознают

в „главном войске“ про потеху нынешнюю, в жизнь не поверят, а по поставцам то удостоверятся, что есть на Москве дурья голова, какой, может, и свет еще не видал; поставцы; знать, во свидетельство надобны да и зипун надобно зачинить, видел как сгубился?“

Стал было боярин да и приспешники ужиматься, отвиливать, говоря, что уговору де такого не было, чтоб деньгами заклад брать. А из народа отвечивают, что уговора такого не было, чтоб аршин железный в поставец класть, а чужим добром об заклад битья того и совсем нигде не видно. Нечего было делать, послал боярин приспешника своего ближнего за казной, и как принес ее тот, отсчитал он Михайле Гаврилычу 100 рублей и купцу за шесть поставцев, которые Гудимы кум из лавки принес, 40 рублей, как купец спросил.

А из народа близ стоящие Михайле Гаврилычу говорят, аж вздыхают: „Прошбсья ты, казак, зря товаром заклад не взял, не на 100 а на 200 может и на 300 рублей вынес бы; промашку дал“.

Прослышал то Михайла Гаврилыч, оборотился к народу и говорит: „У боярина Господь Бог за окояństwo разум отнял, а у нас православные, за какое же прегрешение?“ — а сам посмеивается: „Как же это я товару больше, чем на 100 рублей вынес бы, ежели мне в дверь пустому впору было влезть, как же это я с товаром из нес вылез бы. Не больше шести поставцев и вынес бы: они сами видите, у нас, а 100 рублей, знать, мне по дурости боярской достались“.

А в народе, услышав то, стали говорить: „Ну и дошлый же казак, ишь как боярина ловко вокруг пальца обвел. этому двистительно нечего 7 раз примерять; и раз довольно“.

А бояре сидят молчат, смутились знать. Вышло не одному боярину, а и приспешникам всем в дураках остаться. Встали они с лавок, чтобы расходиться, а боярин подозвал одного молодца московского и, передавая ему что-то, говорит:

— „Жалуем мы вас московских на сегодняшней пропой 10-ью рублями“, знай, мол, щедрость нашу боярскую“.

А Михайла Гаврилыч, услышав про то, со станичниками словами перекинулся и говорит народу:

— „Нам, донским казакам, что замоскворецкие, что московские одинаковы. Пригребаем мы не к силе, а к правде, таков уж обычай наш.“

А правда была, православные, у замоскворецких: у них все бойцы свои, прирожденные, потому и стал я за них, а у московской стороны боец, купецкий сын, не свой коренной, боярином Плещеевым в чужом городе свсканый. Чествуем вас мы, донские казаки, замоскворецких равно и московских на пропой по 15 рублей на каждых. Просим с каждой стороны доверенных от нас деньги принять“. Знай, мол, и нашу не токмо щедрость, а и честь казацкую, а вы, с своей боярской, себе нос утрите.

Ахнул народ: „30 рублей отвалили, ну и казаки донские, ну и щедры к деньгам, знать, и не лакомые“.

Приняли поверенные по 15 рублей от Михайлы Гаврилыча, в пояс поклонились — поблагодарствовали; на том и потеха кончилась.

(Продолжение следует).

Любовь Самсонова.
(Прага).

В ДЕТСКОЙ.

Зяц спит, уткнувшись носом в хатку,
Ванька-Встанька дремлет в уголке,
Сон, склонившись над твоей кроватью,
Шенчет сказку о чудесном петушке.
За окном смородинная ветка
Злым кащеем кажется в окне.
На окне — завешенная клетка,
Сонный чижик дремлет на шестке.
Грустит в углу за розовой лампадкой.
Склонив главу, прощающий Христос.
На запотевшее стекло кладет украдкой

Свой ледяной узор, прокравшийся мороз.
Дрожит на стенке тень от свечки,
Кроватька лодкою плывет во сне,
Мурлычит кот на коврике у печки —
Ведет рассказ о сказочной стране...
За окном — мятежные напевы,
Вьюжный пересвист и вой...
Все сравнял, замел, заваял
Белых волн медлительный прибор!..

Утлую лодку кровати
Качает в снежной мгле...
Робкий глазок лампадки —
Путеводной звездой во тьме...

Юрий Гончаров
(Прага).

* *
* *

Здесь вечер в полумрак одет,
И шелестит кустарник зябкий.
И с неба вьется бледный свет
Колелебующейся снежной шапкой...
Летящий снег поет, звенит
О той, чей шаг я слышу рядом:
А по кустам кружат огни,
Следя за мной лукавым взглядом.
За нами ветер топчет снег...
И речь ее — мне непонятна,
Не знаю: любит или нет?...
Но песнь зимы легка и внятна,
И ветров шелест тих и прост.
И башни тают в синих складках,
И здесь — не пужен мой вопрос!...
В свиданья миг певуче-краткий...

Опечатка В. Д. 29 „В. К.“ в стихотворении Ю. Гончарова на стр. 5 в 13 строке следует читать: „Чей-то взгляд бездонный...“ вместо „Мой-то взгляд...“

Редакция.

А. А. Гейман.

В карауле.

Караул на гарнизонной гауптвахте г. М... от пластунов. Пробили зорю. Прочитали молитву.

— Ну! Предстояща сміна одихати на наряж, растегнув воротники! Прочіс — не шуми. Не заводь! Соблюдають заступити на часы, ложитися на нары (досчатый помост у одной из стен караульного помещения), другая, которую только что сменили, располагается у печки, греется. Водворяється полная тишина. Урядник Водяной садится за особый столик и погружается в чтение постовой ведомости, плана постам, табели постам, инструкции караулу, хотя все это ему известно уже наизусть.

Взводный урядник Водяной — высокий, сильного сложения, красивый брюнет, черноморец, с выбивавшимся всегда из под папахи густым черным чубом — „левержетом“, как тогда его звали все черноморцы, чистым румяным лицом, с небольшими черными усиками, весьма солидный, степенный и надежный взводный в сотне. Спокойного, ровного характера, добродушный всегда, но весьма строгий на службе, он держал свой взвод в большом порядке, хотя ни одного казака никогда не только пальцем не тронул, но и словом дурным не обидел. Где и когда только можно, старался дать казаку отдых и спокойствие, поговорит, даст совет, но горе так называемым „отсталым“. Урядник Водяной всегда имел их у себя во взводе два-три человека, так как было уж так заведено, что командир сотни таких „слабых“ всегда ссылал во взвод Водяному, а уж Водяной выправит всякого. Никогда не забудет в чем тот, или другой слаб — и при всяком случае как раз об этом и спросит, и будет спрашивать, пока не добьется и не выучит.

— Господин урядник, дозвольте вийти? Подходить через несколько минут вот один из таких „отсталых“ к Водяному.

— А... Пилип Супоня. Добре. А скажи мені, шо таке часовий? Водяной прекрасно владеет русским языком, но уж так, по пластунской традиции, со своими подчиненными и начальством до сотенного командира включительно, предпочитает говорить своим родным языком.

— Так шо... часовий есть лицє неприкосновенное...
— Я... а... к?

Владимир Поляков.
(Брно).

* *
* *

На аллеях заснувшего сада,
Где нам чудились странные стоны,
Ты шептала в испуге: „не надо“,
И с фонтана смеялись нам гномы.

Целовал я лицо твое, руки и плечи
У заглохшей и старой ограды:
Говорил я безумные, страстные речи
Ты-ж шептала чуть-слышно: „не надо“.

На поляне, осыпанной цветом сирени,
Нам открылись руины старинного „града“,
Там носились ночные и странные тени,
Ты шептала все тише: „не надо“.

Мы бродили неслышно, с тихой грустью в сердцах;
Мы глядели на жутко зиявшие ниши;
Звезды гасли печально вверху в небесах;
И метались над нами летучие мыши.

1929 г.

— Винуват... Часовий есть всякий козак, или солдат, поставлений на пост с ружьем, или вынутой шашкой.

— Ось бач! А ти не торопись... А то: — неприкосновенное. А для мене и прочого начальства ти и на пошту лицє прикосновенное, погому воно за тебе отвічатеме як на службі, так и вне оной. Ступай...

— Иди сюди, Пилипенко, влолголоса зовет через несколько минут Водяной другого „отсталого“ из предстоящей смены. — Ти чога не слыш?

— В грудях шось болит... Отвечает тихо и с грустью в голосе недоразвитый и слабый физически и по „словесности“ и страшно рассеянный Пилипенко.

— Ну! шо ж ти хитаешься, як комишина? Прийми воинский вид! А для чога служишь гимнастика?

— Кості виламувать... Гос. ур-к.

— Ось я тобі їх повиламую!.. Гимнастика служить для укрєплення мускулів тіла и розвїтїя ловкости движенїй... Повтори!

Повторяет.

— Е-е-е... Пилипинко... Пилипенко. Много вже твої взводний, урядник Водяной, поїв од командира сотні оцих галушок гарячих (выговорив), та прийдеться мабути йому ковтнути ще чимало. І все через те, шо у тебе завжди в голові якесь мичтаніє, а не воинская словесность. Ну, нічога, підгягнись... видуришся... с тебе ще добрий козак буде. Отпускает и этого.

Юркий, проворный и живой, весьма знающий свое дело, уже второй год служащий козак Довбня, уже несколько раз подходил смотреть на часы, которые висели над головой ур. Водяного. Был он и в учебной команде, но за фантазерство и весьма пылкое воображение, не кончил ее курса. Всегда что нибудь да перервет, это и был его главный грех.

— Ну, ти шо ж крутишься тут, як дзига, — поймал его Водяной. Нука скажи мені — шо тобі приказували дїжурний по батальону офицер, як звали всіх дїжурных по сотнях і ти ходив за дїжурного?

Довбня сразу виновато замер.

— Мовчиш? Ну, так я тобі скажу. Вони приказували передати по сотням, шо сьогодня буде сонечне затменіє. Шо часом сонечне затменіє бува и мало замїтне, а і так случаеться, шо стане як у ночі. Вольнуються люди, коні, скотина. Так от, шоб ніхно не вольнуватися, шоб на кухнях, в конюшнях і де може бить столпленіє людей, між 12 и 2-мя часами дня.

були приготовлені лампи... Та щоб хто хоче добре видіть затменіє на сонці — не динився б на нього невооруженим оком, а скрозь закопчене скло. Ну... так було?

— Так точно!

Ну, а ти прийшов у сотню и доложив діжурному по сотні як? Мовчиш? А ти доложив йому, що діжурний по баталіону приказали, що между 12 и 2-ма часами буде затменіє сонця, так щоб люди всі були в поміщені, а на случай пожара, тривоги и для народного беспорядку всі нижні чини должны быть вооружені и роздать всім по 30 патронів на винтовку, а щоб на кухнях и у чаєгрівів пузирі на лампах не были закопчені, а як у кого будут закопчені, то на два часа під винтовку. Ось бач, яку тривогу ти наламав! Га! Скільки разів вже я тобі говорив: — получи приказаніє, подумай добре своею головою. Неповин, переспроси.

Каравульний начальник, офицер, в своей комнате, конечно, слышит эти, „шнотом“ ведующие разговоры и думает: При всей красоте и величии казака вообще, какие же иногда бывают между ними и юмористы!

В группе, греющейся у печки между тем тоже ведутся тихо разговоры. — Ну, братці... Піймали ми того біглого аристанта, привели його в поліцію... полицейські стали його роздигать... а на йому вошей! Та так великі, що — їй Богу ну.., сидать можна! Группа не выдерживает, раздается взрыв сдержанного смеха.

— Ну, вже загулі! Як бжолі. Когихин... ось я тобі посідлаю!

Все опять замирает.

Между тем, время идет. Стрелки часов показывают без четверти одиннадцать. Водяной подходит медленно к сияющей „предстоящей“ смене, клоняется над нею и громовым шнотом кричит:

— А чи не позадушилися ви тут!

Восемь пар ног как один стучаются об пол. Смена проснулась.

— Розводящіє! готовте зміну на часи! В этот момент резкий свисток часового у камер арестованных резнул в воздухе. Разводящий этого поста частой дробью застучал по плитам коридора, идя на этот вызов и в тот же миг, уже бегом возвратился в каравульное помещение.

Господин урядник! Аристант повісився!..

— Ключи от камер! Посильний! Біжи доложит діжурному по караулам, та забіжи в офицерское собра-

ніє за дохтарем, вони мабуть як раз тепер с г. г. офицерами на білярди гуляють! — Командует нікога не теряющийся, нічого не забывающий и все знающий урядник Водяной.

Открыли камеру. На каменном полу, с пеной у рта, в муках падучей болезни, корчился несчастный подследственный „арестант“ — урядник Протопопов.

Протопопов был обозный урядник. Батальон косил сено на Белореченской степи. Решительный заведующий хозяйством торопился за погоды перевести сено на батальонный двор. Каждый день, еще до зари, отправлялись за сеном фургоны. Отправив подводы по дороге, Протопопов, в одно утро, поехал на покос верхом напрямки, степью. Едва он выехал на „венцы“ в 5 верстах от города и уже перерезал дорогу из ст. Келермесской, как увидел, что по пыльной дороге этой, на Майкоп, пригнувшись к гриве коня и высоко подбрасывая локти и ступни ног, скакал человек, а за ним, сильно растянувшись, скакало еще пять-шесть всадников.

Вмиг сообразив в чем дело, Протопопов остановился и когда всадник поровнялся с ним — в три скачка догнал его и, схватив за шиворот, сорвал с неоседланной лошади и сбросил конокрада на дорогу.

Не обращая больше внимания назад, поскакал было ловить коня, но видя, что конь, освободившись от всадника, описав большой полукруг, высоко задрав голову, направляется назад в станицу, Протопопов поехал своей дорогой.

Возвратясь вечером с покоса, доложил, как и полагается, начальству о случившемся и еще получил приказ, что недопустил конокрада вскочить в город, где бы наверно уже не нашли бы ни его, ни коня.

А на другой день по требованию следователя, П-ва арестовали. Конокрад оказался мертвым на том месте, где упал с лошади. Убился ли он при падении, добил ли его подскакавшая погоня, только следователь все тянул да гянул дело, находил все новые и новые улики, а Протопопов все сидел да сидел. Сначала был спокоен, затем стал уже и волноваться, затосковал. Напрасно успокаивали его командир батальона и зав. хозяйством.

И досиделся Протопопов до падучей на восьмом месяце заключения. И погіб казак. Погіб и для себя, и для семьи, и для родины...

А. Персидсков.

(Брно).

* * *

Хуромелит, метет северюга,
Засыпает казацкий шлях,
Разгулялась беспутная выюга
На чужих расписных санях.

Ги, ги, ги! заблудившийся ветер,
Хо, хо, хо! обманувший смех...
Только бы утром в сугробах встретить
Хоть концы занесенных вех.

Только бы утром, с зарей рассветной,
Солнце б встало из за горы
И сияньем, как золотом светлым,
Осветило б в степи бугры.

И тогда, хуромель северюга,
Хорони под собой поля, —
Знаю твердо, не с севера, с юга
Будут славить богатыря.

Н. Качанівський.

(Прага).

* * *

Чи ти чуєш?.. Щось шепоче
Серед стегу у пільмі? —
Немов скрипка стогне-плаче
По коханих днях весни;
Немов матінка старенька
Свого сина юнака,
Заливаючись сльозами, виражає в козаки.

Ні! Не чую стонів, плачу
І не бачу сліз старих,
Чую пісню молодечу, пісню молодих...
Чую — громи десь грохочуть
Бачу прапори свої.
Чую гнів росте в козацтві
І ладнають їх полки...

Зійшло сонце червоно у ранці —
Була буря сьогодні вночі —
Потягнулись на північ вже бранці, —
Буде спокій в мой сторони.

Д-р С. Федоров.

Ф. А. Щербина.

(К 80-летию со дня рождения).

26-го февраля с. г. исполняется 80 лет со дня рождения маститого Кубанского ученого и общественного деятеля профессора Федора Андреевича Щербина.

Имя Ф. А. заслуженно далеко и широко известно не только на Кавказе, где он пользовался огромной популярностью, но и по всей территории б. Российской Империи да и за границей; настолько оно было прославлено многогранной и высокополезной деятельностью его, не только на благо своего родного народа, но и всего человечества вообще.

Печальный удел нашей дорогой Родины стал причиной того, что этот выдающийся день в жизни юбиляра и родной ему Кубани, не будет отмечен достойным образом там далеко на родной казачьей земле и потому хоть здесь, в изгнании, мы уделим скромную дань этому событию, воздавши должное и старому досто-почтенному казаку и его великому жизненному пути.

Вся жизнь и деятельность Ф. А. есть воплощение тех внутренних сил Казачества и казачьей природы, которые сами рождают мотыжников казачьих земель.

Ф. А. Щербина — Председатель Рады 1906 года.

Широкий свет приник видеть и знать в Казачестве только выдающихся полководцев, славных военачальников и Атаманов, но он совсем не слышал и не знает о славных казачьих ученых, выдающихся маршалов науки, силами которых внесло Казачество свой вклад в сокровищницу общечеловеческих знаний.

Дон дал целый ряд выдающихся ученых, над которыми блещет, как «бриллиант вмя» славного Менделеева.

Кубань родила Ф. А. Щербину, по заслугам прославленного статистика, установившего ряд законов в области природы и человеко-ведения.

Ф. А. Щербина родился 13-го февраля (ст. ст.) 1849 г. в станице Старощербиновской Черноморского казачьего Войска, вошедшего впоследствии в Войско Кубанское. Родители его были старые истые казаки, потомки славного Запорожья. Дед Ф. А. пришел на Кубань с новым Войском Черноморским из-за Буга, прадед его был настоящий сичевик, а дед по матери старей запорожец, только на Кубани обзавелся семьей.

Отец же Ф. А. был по приговору Переяславского куриня в 1848 г. посвящен в священники, как человек хорошо грамотный и «обладавший доброй гортанью» г. е. голосом.

Раннюю учебу Ф. А. начал дома под руководством

женской части семьи его отца, первая же проба школьного обучения была неудачна.

Воспитательные и педагогические методы невежественного учителя дьячка сводились к тому, что „страх есть премудрость“ и „за битого двух небитых дают“. Что тогда удивительного в том, что впечатлительный мальчик, увидя истязания учащихся, на третий день убежал из школы и перенес тяжелую нервную горячку.

В школьном возрасте маленький Федя был завязанный казак и коновод военных игр сверстников, излюбленной из которых была „битва казаков с черкесами“. Однако, под влиянием миролюбивой матери мальчик скоро начинает отвыкать от воинственных упражнений, и при участии работника Явтуха и пастуха Охтияна приобретает любовь к земле, природе, животным — и ко всему тому, что влечет человека к мирным занятиям.

В то же самое время Ф. А., слыша от своего деда, от отца, от приятеля деда казака-священника о. Юрия и старого запорожца Кабицкого рассказы о Сичи-Матери, войсковых порядках, обычаях и законах; от Охтияна и Явтуха о чумаках, валках, забродческих нартагах, — с ранних лет начинает интересоваться и внутренним казачьим бытом.

Непосредственное соседство их дома со станичным правлением, во дворе которого отбывались рады станичной громады, дало возможность Ф. А. ближе познакомиться с этой формой казачьего самоуправления. Первое внимание его привлек станичный сбор, собравшийся под гул орудий английской эскадры, бомбардовавшей черноморское побережье в 1855 г. и с этого раза Ф. А. не пропускает ни одного схода, приобретаая ко времени поступления в духовное училище уже определенные понятия о казачьей общине.

12 лет от роду Ф. А. был отдан в Екатеринославское духовное училище; школа не особенно привлекала мальчика, его тянуло домой, в степи к играм и забавам. Ф. А. начал обдумывать план побега, осматривать окрестности и готовить уход на волю. Как раз в это время он натолкнулся у поста через Кубань на два окровавленных трупа — казака и черкеса. „Мирный“ черкес вероломно напал на двух безпечно ехавших на службу казаков, заколол одного, но в дальнейшей борьбе был заколот другим своим противником.

У Феда сразу отпала охота к воле и к военным „жестокостям“ в играх; он начал прилежно учиться. Другой случай, наглой похвалы одного пехотного офицера, в походах за Кубань не щадившего женщин и разбивавшего головы черкесским младенцам, окончательно угасил в Ф. А. военный пыл, он дал себе слово не служить под ружьем и никогда не принимать участия в жестокостях войны. Дело было трудное, т. к. он, вместе с другими детьми своего отца священника продолжал быть военно-обязанным и только исключительные способности к науке избавили его от службы.

Окончивши в числе первых духовное училище, Ф. А. в 1865 г. перешел в г. Ставрополь, где была Кавказская духовная семинария, в которой он пробыл более трех лет.

В семинарии Ф. А. находился под влиянием молодых либеральных профессоров, только что прибывших из Казанской духовной Академии, известной тогда своим либеральным духом.

В Ставрополе Ф. А. при их посредстве и под руководством некоторых политических ссыльных еще более углубил в себе чувство любви к меньшему брату.

Систематическое чтение классиков и экономистов, которыми была богата ставропольская публичная библиотека, окончательно укрепило в Ф. А. мировоззрение на родника. Он вместе с некоторыми близкими товарищами создает производственную артель, в которой семинаристы занимаются переплетным, сапожным и столярным делом. Успех артели их окрыляет — шесть молодых кубанцев покупают коня с повозкой, образуют земледельческую артель и после тайной подготовки покидают семинарию.

Артельщики отправились на родное Черноморье, мечтая при помощи артелей и идеальных станичных громад перестроить если не всю тогдашнюю Россию, то хотя свою родную Кубань. „В народ“ тогда еще не ходили и это был первый опыт казачьих интеллигентов,

опыт самостоятельный, не диктованный влечениями российских социалистов. Артель осела в ст. Бриньковской, где успешно работала с „половины“ на хозяйстве вдового священника.

Однако, Ф. А. скоро увидел, что затея переустройства слишком грандиозна и не под силу молодежи невооруженной специальными знаниями; он решил поэтому закончить свое образование в Петровско-Разумовской с.-хоз. академии, славившейся в то время.

Случай помог ему получить войсковую стипендию. В 1872 г. Ф. А. послал первую свою статью в редакцию „Куб. Обл. Ведомостей“ с проектом организации продажи спиртных напитков в станичных общественных кабаках. Статья заинтересовала редактора и тот убедил наказного атамана ген. Цакни дать стипендию многообещающему автору.

В академии кубанцы составили особую группу, пользовавшуюся большим уважением у студентов; энтузиазм чужих пропагандистов их не увлекал, кубанцы считали нужным сначала учиться и только тогда идти делать дело для народа. Но в то же время они считались „своими“ среди революционно настроенной молодежи, которую удерживали от безрассудных выступлений.

Ф. А. академии не окончил. Ему, как инициатору обращения к министру с жалобой на недостойное обращение со студенчеством со стороны директора, было предложено покинуть академию и он перешел в Одесский университет.

Еще в Академии Ф. А. специально занимался земельным вопросом и выступил уже в большой печати. Редактор журнала „Неделя“ Гайдебуров рекомендовал Ф. А. серьезно разрабатывать интересующие его вопросы, и в Одессе Ф. А. приступил к самостоятельным исследованиям. Одновременно, изучая артели, общины, сектанство и т. п., Ф. А. вел и пропаганду по своему мирному способу, по образу своих мыслей он больше подходил к т. наз. „лавристам“, отрицавшим бунты, насилие, террор, за что их звали „христосиками“.

Но и мирный образ деятельности Ф. А., его знакомство с передовыми людьми и влияние на молодежь, привлекали внимание жандармерии и один раз Ф. А. пришлось особенно трудно, когда его заподозрили в соучастии в убийстве рабочего, выдавшего в первый раз Ф. А. Только убежденная речь Ф. А. и пламенное его негодование против пролития крови спасли его от тяжелого наказания; следовательно уверовал в его непричастность, и Ф. А. уехал на Кубань с молодой женой, которую нашел себе в Одессе.

Тем не менее жандармы добились своего: „за вредное влияние на одесское общество“ Ф. А. был послан из Екатеринодара на край России в Устьсысольск, в края, где живут одни выряне.

Ф. А. пришлось проделать далекую дорогу этапными порядком, испробовавши преlestи тюрем, этапных дворов, сообщества каторжан и уголовных преступников.

Случай снова помог Ф. А. — Сольвычегодский исправник зашел на пароход, везший ссыльных и, узнав, что жена Ф. А. играет на фортепиано и может учить детей, предложил Ф. А. „заболеть“ и остаться у него в городе, что с радостью и было принято.

Ф. А. получил полнейшую свободу и, никем не стесняемый, деятельно принялся за изучение крестьянского быта и общин того края, такого патриархального, что там не было ни воровства, ни убийства, ни пьянства, ни судов — почти как райские отношения.

Свои интересные наблюдения и изыскания Ф. А. публиковал в „Отечественных Записках“ и другой большой столичной прессе, как напр. „Русская Мысль“ и др., в которой по окончании ссылки ему было предложено работать, оставаясь в Москве. Но Ф. А. не удалось воспользоваться открывшимися возможностями — ему было воспрещено проживать не только в столицах, но и в университетских городах, вследствие чего Ф. А. отправился на Кубань, желая посвятить себя работе среди родного Казачества.

В ссылке и на Кубани Ф. А. подготовил к печати первую свою книгу „Очерки южно-русских артелей и

общинных артельных форм", давшую ему широкую известность в России.

Это была новинка в вопросах до того времени неизвестных, и, что является наиболее характерным, это установление Ф. А. живой связи артельных форм с формами бытового устройства Сичи Запорожской и Вольного Казачества. Книга проникнута такою идеализацией казачьего строя и такою уверенностью в то, что только сыроземные неизведанные силы степей и юга могли творить подобные формы, что книга послужила причиной многочисленных дебатов и споров и даже серьезных конфликтов, как напр. между проф. Постниковым и С. В. Витте, начинавшем всходить тогда над горизонтом — как различны были оценки.

Из за личности Витте и нежелания поддерживать его политику в вопросе о железнодорожных тарифах Ф. А. после двухнедельного опыта, отказался от редактирования известной популярной газеты „Одесский Листок“. В это время Ф. А. снова уже жил в Одессе, откуда дал еще ряд новинок ученому миру, разбивши между прочим теорию украинского земельного индивидуализма и доказав сотнями примеров наличие земельной общины и у украинцев.

Вскоре Ф. А. было предложено занять место заведующего статистическим отделом Воронежского земства. Здесь Ф. А. очутился в очень благоприятных условиях для научных работ и исследования народной жизни — в его распоряжении был целый штат интеллигентных помощников и за 18 лет своей службы Ф. А. дал ряд блестящих работ, составивших ему широкую известность.

Ф. А. ввел свои статистические методы работы, каких еще не знали нигде не только в России, но и за границей, применяя результаты научных исследований к практической жизни. Его бюджетными исследованиями крестьянского хозяйства обрела русская статистика, что было отмечено в трудах других ученых и подчеркнуто в биографии Ф. А., напечатанной в словаре Брокгауза и Ефрона.

За свою работу „Крестьянское хозяйство в Осиповском уезде“ Ф. А. в 1887 г. получил от Российского географического о-ва высшую награду большую золотую медаль, а в 1891 г. за „Историю Воронежского губернского земства“ Российская Академия Наук присудила ему высшую денежную премию имени имп. Александра II.

И что всего замечательнее — его книга „Очерки артелей“ была одно время запрещена к обращению в публике, а за „Историю“ кто-то из цензурного ведомства угрожал закрыть журнал „Мир Божий“, поместивший благоприятную рецензию. Далее, книга эта служила руководством для организации земств в других губерниях.

В следующем 1892 г. Ф. А. за „Сборник оценочных сведений по крестьянскому землеведению“ получил снова денежную премию. В таком роде Ф. А. напечатал ряд трудов по земской статистике и отредактировал 67 изданий статистического отделения.

Из числа своих трудов Ф. А. считал „Крестьянские бюджеты“ и „Сводный сборник по 12 уездам Вор. губ.“ ценнее всех остальных и даже премированных трудов в этой области.

Как его ценили в этом отношении, показывает то, что проф. Фортунатов, авторитетнейший специалист в земской статистике, называл Ф. А. „своим учителем“, а Сборник „методологией земской статистики“.

Но две работы его имели и общегосударственное значение. „О разрушении почвенных покровов“ послужило материалом к первому закону о мелиорации в России, а о чумной эпизоотии — к осуществлению предложенных им мер.

Одновременно Ф. А. работал во многих периодических изданиях и журналах, печатая много статей по казачьим вопросам, м. проч. в „Киевской Старине“.

Работая в земстве с 1896—1901 г., Ф. А. руководил исследованием „Экспедиции по исследованию степных областей“ — в Сибири, Туркестане и сопредельных казачьих Войсках.

История этой экспедиции заслуживает особого внимания: покойный Николай II, будучи наследником, по пути из Яшони через Сибирь, дал обещание киргизам защитить их земельные интересы.

Вступив на престол, он сам решил поручить это дело Ф. А.

В свое время Ф. А. написал краткую „Историю Куб. каз. Войска“, напечатанную в 1888 г.

По этой истории воспитатель Николай II, ген. Давылов, поручил наследнику написать реферат. Николай II основательно изучил историю, хорошо написал реферат и популярное сильно демократическое изложение Ф. А. зашло ему в душу.

В свое время он вспомнил Ф. А. и, несмотря на протесты царедворцев, что Ф. А. „шибенник“, назначил его, состоявшего под надзором полиции, главою экспедиции, снабдив огромными полномочиями: все условия Ф. А. были приняты. За свою же „Историю“ Ф. А. получил драгоценный перстень из Кабинета Двора.

Забронированный „Высочайшим повелением“, Ф. А. исследовал 80 милл. десятин земли, в результате чего киргизы получили наделы по трудовой норме (по числу голов скота). Киргизы прислали к Ф. А. во II Госуд. Думу благодарственную депутацию и чтут его память до сего дня.

Обследуя степи, Ф. А. установил у Казачества наличие понимания своих прав на свою территорию и сознание необходимости объединения всего Казачества. Это он отметил в сборнике „Казачество“, изд. 1928 года.

Но результат царского реферата был еще впереди. В 1906 г. на Кубани возникли серьезные осложнения по казачьему земельному вопросу. Наказный Атаман, уралец, ген. Михайлов поехал в СПб, завкнулся царю о том, что наилучшим образом его могла бы разрешить Рада. Царь, зная роль Рады по „Истории Куб. каз. Войска“, согласился на ее созыв.

После 114 летнего перерыва, снова собрались в Екатеринодар представители казаков, всего около 520 депутатов.

Ф. А. был избран председателем ее. После молебна на площади Войскового собора, Ф. А., стоя под самым старым запорожским знаменем, принимал парад, окруженный депутатами, державшими запорожские и Войсковые клейноды.

Исполнилась старая мечта старика, он не только видел Возрожденную Раду, но стоял во главе ее и принимал парад от Наказного Атамана.

Ф. А. принял там же твердое решение объединить четыре кубанских войска — черноморское, старополтавское, новополиное и закубанское, из которых каждое сидело на обособленной своей территории, в одно Войско Кубанское.

На Раде путем полюбовного соглашения план этот был проведен и выработаны основы основания казачьего землепользования, утвержденные царем.

Это было небывалое явление — кубанцы имели свой законодательный орган; возобновлена была старая казачья традиция. Сам Ф. А. был избран членом II Госуд. Думы.

Еще шестью годами раньше Ф. А. поставил научно, ребром, вопрос о необходимости конституции в России.

Находясь в экспедиции, он узнал о созданном в СПб вел. князьями Константином Константиновичем и Александром Михайловичем советании видных провинциальных деятелей; в князья убедили тогда царя в необходимости дать конституцию России.

Ф. А. решил использовать момент и составил „Доклад Воронежского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности“. Доклад этот прошел единогласно в уездном земском комитете, а в губернском большинством 83 против 5. В докладе говорилось, что без улучшения гражданско-правового положения крестьян, немислимо поднятие хозяйства и указывалась реальная программа.

Доклад этот приобрел всероссийскую известность, но вызвал ряд репрессий со стороны министра внут. дел Плеве.

П. С. (Струве) напечатал его в 1903 г. в Штут-

гарте, (изд. „Возрождение“), дав блестящую характеристику доклада и талантливости автора его — Ф. А. Щербина.

Многочисленные кары постигли главарей земской работы, а Ф. А. Щербина был отдан под гласный надзор полиции и поселен в своем имении „Дженхот“ на берегу Черного моря. Его обвинили в том, что „кубанский казак Щербина вовлек в революционный заговор воронежских дворян во главе с губернатором“. Только положение Ф. А., как главы экспедиции, спасло его от более серьезной административной расправы.

Живя в своем хуторе, Ф. А. был в интересном положении: в собственном жилище он был под надзором полицейского урядника, на родной Кубани — полноправным казаком, а степной генерал-губернатор почтительнейше уведомлял его, что он не может утвердить служащих в экспедиции с. Н. потому, что они находятся в сношениях с лицами, состоящими под негласным полицейским надзором.

С 1901 по 1920 г. Ф. А. жил попеременно го в Черноморьи на своем хуторе, то на Кубани, работал над сбором материалов для полной истории Кубанского Войска, в архивах Кавказа. В Екатеринодаре, у него в бюро, около 2-х лет, проработал и молодой тогда учитель Симон В. Петлюра.

За это время Ф. А., непрерывно участвуя в периодической прессе, напечатал два тома „Истории“, подготовил к печати третий том и набросал ряд очерков тома четвертого — последнего. Они, с огромной массой материала о Казачестве, погибли во время неурядицы и войны на Кубани.

В то же время Ф. А. напечатал „Историю Армавира“, „Очерки борьбы казаков с горцами“ и ряд экономических и статистических трудов; важное научное значение имела его книга „Земельная община у кубанских казаков“, на которую обратили внимание и за границей. К Ф. А. приезжал даже проф. Гендельбергского университета для изучения казачьей общины. Ф. А. состоял членом многочисленных научных обществ.

Революция 1917 г. снова призвала Ф. А. к широкой работе. Как член Кубанской Рады он принимал деятельное участие в ее работах; был избран председателем Кубанского Верховного Суда, после того как поставил условие, что смертной казни Суд выносить не будет; все члены Суда поддержали его.

В 1918 г. семидесятилетним стариком Ф. А. проделал верхом „Тедяной поход“ в составе Рады, а в следующем году принимал участие в работах Верховного Круга Дона, Кубани и Терска. В это же самое время он состоял профессором вновь открытого Кубанского и Северо-Кавказского политехникума.

В феврале 1920 г. Ф. А., как историк Войска, получивший почетное название Войскового урядника, был отправлен с Войсковыми регалиями, в составе делегации из пяти лиц, за границу.

С большими неудобствами и даже опасностью для жизни со стороны добровольцев, покушавшихся скинуть „самостийника“ Щербину в море, он прибыл с регалиями в Югославию, а оттуда перебрался по приглашению в г. Прагу.

Здесь он сначала читал лекции по статистике русскому студенчеству и состоял, как член-корреспондент Российской Академии Наук с 1904 г., в местной академической организации. Читал лекции по кооперативной статистике в чешской земледельческой школе, а когда в г. Праге был открыт Украинский университет, то занял там кафедру статистики; избирался деканом юридического факультета и ректором. Ф. А. принял участие в организации Украинской госпо-

ларской академии в Подебрадах и занимал там кафедру статистики.

В этих двух ВУЗах Ф. А. читал лекции привлекавшие богатством содержания и новизной идей, напряженно работая в своей излюбленной отрасли. Каждый год он совершал научные поездки за границу, расширяя свой опыт и пополняя собранные материалы.

Ф. А. раздвинул рамки изучения с.-х. статистики и дал курс „Мировой с.-х. статистики“, установив закон зонального распределения населения и основных факторов с.-хоз., по которому в каждой части земного шара существует средняя типичная густота населения, сходственная со средней густотой населения отдельных зон и находящаяся в строгом соответствии с формами и продукцией зерновой культуры и скотоводства. Этот закон охватывает не только задачи с.-х., но и экономику в ее основных фазах распределения продукции на международном рынке.

Основной чертой всех научных трудов Ф. А. является построение их на продуктивном методе и массовых статистических данных.

В своих работах Ф. А. касался социологии и политической экономии; в последнюю он ввел совершенно новые формы для оценки по трудовой формуле и полную неприменимость к трудовым хозяйствам доктрины К. Маркса о „первоначальном капиталистическом накоплении“.

Занимаясь изучением закона ассоциации Ф. А., коснулся ассоциативных форм в мире животных и сильно изменил свои воззрения на дарвинизм и трансформизм в постановке Дарвина, дав самостоятельную работу в этой области — дав свою схему классификации животных, от низших форм до приматов и назвав эту науку психосомматикой. В 1925 г. Ф. А. был избран членом „Научкового Т-ва им. Т. Г. Шевченка“ в Львове.

Пребывая за границей Ф. А. был не чужд и общественной работы — его трудами и заботами было вызвано в ЧСР много кубанцев, получивших здесь возможность закончить или приобрести высшее образование, а в некоторых случаях подготовиться к профессорской деятельности.

Ф. А. был в течении шести лет председателем О-ва Кубанцев в Праге.

Под его идейным руководством и при ближайшем его участии велись и ведутся научные работы „О-ва изучения Казачества“.

Ф. А. явился одним из основателей „Сюзза кубанских писателей и журналистов“; вообще Ф. А. в своей долготелнейшей жизненной деятельности, сначала в великорусском, потом украинском окружении, прежде всего был казаком и никогда им быть не переставал. Его убежденно казачья линия мышления не раз несла ему цветы и лавры, но и не меньше шишов и терний, дома и здесь в эмиграции.

Теперь мастыгый наш юбиляр деятельно работает над капитальными трудами своими по статистике и социологии и пишет свои „Воспоминания“ чрезвычайного казачье-бытового интереса. Обстоятельства постоянно мешали Ф. А. закончить свои работы и достигнуть осуществления планов — то ссылки и аресты, то война и иные невзгоды. Неумолимый работник, с вечно молодой душой, „добряча людина“, он в минуты отдыха отдавался художественному творчеству, давши ряд стихотворных произведений и две поэмы „Черноморцы“ и „Богдан Хмельницкий“.

Дай же Бог, нашему кубанскому Мафусаилу в корифей науки в мире и спокойствии докончить свое великое дело и вернуться домой на нашу освобожденную Вольную Кубань.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Инж. В. Бейсуг.

О географическом положении Казачьих Земель.

III

Мы рассмотрели до сих пор одну артерию товарообмена — с северо-востока на юго-запад — и установили, что Казачьи Земли лежат в ее улье. Теперь рассмотрим другое направление: с северо-запада на юго-восток. По отношению к этому направлению положение Казачьих Земель внешне иное. В то время, как по первому направлению Казачьи Земли лежат на границе мировых торговых округов, по этому направлению они лежат внутри округа, т. е. к гермину „Русский торговый округ“ экономическая география относит область, границы которой выходят далеко за пределы бывшей Русской Империи. Линия, проводимая по рассматриваемому направлению, проходит почти целиком по суше. Суша, как мы уже видели, не является стихией, имеющей особенно благоприятные данные для развития товарообмена. Последний льнет больше к воде, морю, рекам. Поэтому длина проходящей в этом направлении торговой артерии до известной меры ограничена пределами доступности, экономической „проницаемости“ компактной массы суши. Граница эта приблизительно может совпадать с границами русского округа, т. е. едва-ли из пунктов, лежащих дальше, будет выгоден сухой путь на юго-восток, а не водный кругом Европы. То же и в обратном направлении. Разность абсолютных расстояний тут не важна, ибо ведь или же из Одессы в Гамбург грузы дешевле, хотя и окружным водным путем, а не „прямым“ сухим. Из Румынии в Швейцарию хлеб тоже шел не „прямым“ путем по суше, а морем, через Геную.

Т. обр. объем транзита через Казачьи Земли с северо-запада на-юго восток ограничивается приблизительно масштабами товарообмена в этом направлении внутри русского округа (подчеркиваем, что выражение „Русский округ“ мы употребляем, как давно установленный в экономической географии термин, без всякого отношения к моментам политическим). Хотя нет никаких оснований думать, что обмен по этой линии будет абсолютно мал — наоборот и тут раскрываются большие горизонты для транзита — все же относительно это направление уступает в своем количественном значении значению торговой артерии, проходящей через Казачьи Земли в направлении с северо-востока на юго-запад. Этим и определяется ее ценность.

Чрезвычайно выгодным является то обстоятельство, что линия Москва—Ташкент и Москва—Северная Персия, т. е. линии с сев.-сев.-запада на юго-восток проходят через Казачьи Земли. Это указание не стоит в противоречии с положением о несколько отрицательном значении компактности массы суши на севере и северо-западе Казачьих Земель, как фактора, уменьшающего длину линии товарообмена. От Москвы до Северной Персии и от Москвы до Ташкента, конечно, очень далеко. Но, подобно тому, как не всякая географически кратчайшая линия является кратчайшей экономически, так и не всякая географически длинная линия является длинной экономически. Туркестан лежит по карте несравненно ближе к Бомбею и Персидскому заливу, чем к Москве, и в то же время, по крайней мере по прежним условиям, путь товарообмена на Москву был более короток. То же можно сказать и относительно Северной Персии. Ведь не даром в свое время Англия по договору с Императорской Россией отказалась от противодействия „русскому влиянию“ в Северной Персии и оставила за собой лишь Персию Южную: несмотря на близость к южным водам Персидского залива, Северная Персия, при состоянии тамошних путей сообщения, просто фактически не могла бы входить в Британский торговый округ, почему и отнесена и экономической географией и самой жизнью в округ Русский. К тому же, комбинации сообщения по Волге и Каспийскому морю создают водный путь, — долгий, но дешевый, а след. экономически уже не такой длинный.

Рассматривая данные наших дней о товарообмене между красной Москвой и Персией, мы приходим к заключению, что политическая обстановка не является в данном вопросе уже такой решающей. Персия вынуждена вести товарообмены с экономически ближайшими промышленными центрами Москвы. Уловки большевиков, установивших по последнему советско-персидскому договору специальные снижения ж.-дорожных и морских тарифов для грузов, идущих в Персию, еще больше привязывают Персию на север. Мы располагаем сведениями, что персидское правительство, рассмотрев проект Siemens-Bau-Union'a, поручило недавно синдикату немецких фирм (Siemens-Bau-union, J. Berger, Ph. Holzmann и др.) постройку железной дороги между Benderghes (Каспийское море) и Khoromuss (на берегу Персидского залива). Проведение такой линии, конечно, изрядно кольнет Москву. Казачьим же Землям дает близкий выход в южные воды Персидского залива и Индийского океана. Но, это дело далекого будущего. По отношению же к ближайшему будущему и настоящему, опираясь на изложенные соображения, мы можем констатировать, что Казачьи Земли лежат на водной дороге (Царицын—Астрахань) и на сухом пути (ж. дорога Москва—Оренбург—Ташкент) немалого экономического значения. И еще раз вышло, нестает все преимущество географического положения Казачьих Земель, как земель интенсивнейшего транзита со всеми сопряженными с таковым транзитом преимуществами.

Итак, мы наметим некоторые контуры географического положения комплекса Казачьих Земель, рассматриваемых с точки зрения сперва активного (в качестве контрагента), потом пассивного (транзит) участия в мировом процессе обмена. С областью товарообмена тесно связана другая область, являющаяся также объектом изучения экономической географии — транспорт. Понятие торговли, как обмена известными благами, неразрывно связано с понятием транспорта, и не только торгового, но транспорта передвижения вообще. Ведь не даром же первым, кто теми или иными средствами сообщения попадает в „новые“ земли, является купец; за ним идет миссионер; иногда сперва миссионер — потом купец; за ними — почти всегда солдат; учитель, к сожалению, приходит всегда последним... Рассматривая географическое положение Казачьих Земель под углом возможностей их участия в мировой торговле, мы этим самым уже в значительной мере рассмотрели и их географическое положение с точки зрения мирового транспорта. Однако, мы должны еще сделать ряд специальных дополнений и обобщений.

Интересное явление: понятие „дороги“ предполагает наличие двух пунктов, которые она соединяет. И в то же время дорога более старого происхождения, чем селение: первобытные карликовые племена Африки и самые дикие туземцы Австралии раньше привыкли пользоваться тропинками в лесу, чем постоянным путем. Тропинки появились раньше, чем селения. Переход к земледелию принес доминирующее значение селению над дорогой. Развитие торговли создало из дороги опять фактор, влияющий на образование поселений, и не только торговых, но и земледельческих (напр. Сибирский ж. дор. путь, трансконтинентальные ж.-дор. линии в С. Штатах). Что касается взаимоотношения пути и торговли, то можно утверждать, что торговля всегда дает толчок к усовершенствованию и развитию пути; наоборот, новый путь, изменяя направление товарообмена, далеко не всегда гарантирует развитие торговли.

Все это утверждения чисто эмпирического характера. Ученые, высказавшие их, руководствовались одними наблюдениями и не могли закрывать глаза на случаи частых отклонений от этих „правил“. Можно почти со 100% вероятностью утверждать, что Казачьи Земли не были никогда рассматриваемы, как источник для черпания доказательств или отрицаний для этих правил. А в то же время Казачьи Земли могли бы дать

в этом вопросе богатый материал. Первая роль в человеческой истории всех тех областей, которые ныне именуются казачьими, была именно роль „пути“. Они явились зоной, через которую, по которой влиялись народы из колыбели человечества, Азии, в Европу. Сделавшись прежде всего „путем“, эти земли не дали тогдашней цивилизации центры населения длительного характера.

Мы читаем в истории о наличии в этом районе столиц целых царств, богатейших ханских ставок и т. д. и все же в общен исторических масштабах они носят характер слишком кратковременный. Мы почти не находим теперь в Казачьих Землях ни одного пункта, который бы имел историческую преемственность с центрами даже X-XV ст. В лучшем случае можно указать места, где и в прежние времена были центры населения, но это просто совпадение географических мест. Район Казачьих Земель на заре истории был прежде всего дорогой; дорога способствовала образованию селения более менее временного характера, хотя порою и с многочисленным населением и большим административным и политическим значением. Однако, как только дорога переставала быть „проезжей“ и волна шедшего по ней народа из Азии прокатывалась дальше, уходила в сторону или рассеивалась, — сейчас же и эти центры приходили в запустение. Докатывалась из Азии новая волна — на новом пути возникали новые пункты, иногда на тех же местах, но как бы „заново“.

Прошли века, закончилось переселение народов. Из „пути“ область Казачьих Земель обратилась в „пустырь“, население которого слагалось во многом из остатков прокатившихся волн. В пустыре было пусто. Но, время шло. В итоге сложных исторических процессов, еще мало в целом исследованных, через известный промежуток времени мы можем увидеть в местах прежде пустых население. Стали возникать и новые поселения. Возникли они там, где была богатая земля, где кишели рыбами реки, где было безопасно, или наоборот там, где были военные посты. Феномен „дороги“ не был исключен. Отдельные исключения, напр. Азов, возникший прежде всего как станция, „лавка“ и крепость, не нарушают общей картины. Изучение образования казачьих хуторов, удаленных от всякого иного человеческого жилья, их разбросанность, чередование военных постов в станицы и т. д. — все это когда то представит ученым богатейший и интереснейший материал для изучения, нахождения черт сходства и принципиального различия с заселением пространства Сев. Америки и Сибири. И только после появления этих новых пунктов человеческого жилья, стали прокладываться пути и дороги, соединявшие уже обозначенные точки. Это — второй период, обратный по содержанию первому, в котором феномен пути создавал селения.

Развитие торговых сношений, что почти всегда совпадает с развитием культуры, открыло двери в новую эру, — эру, когда опять дорога создает поселение. Было бы правильней, впрочем, наше время рассматривать, как переходное время для Казачьих Земель. С одной стороны, в них еще слишком много даже крупных поселений „заброшенных“, за отсутствием пути не связанных в одно хозяйственное целое с целым комплексом и настойчиво требующих создания пути. С другой стороны, все больше и больше выявляется значение пути, создающего поселения. Вопрос более плотного заселения горных и лесных частей у южных границ Кубани, появление новых пристаней на берегу Черного и Азовского морей, и заселение ряда совсем уже не так „абсолютно непригодных“ для хозяйственного использования земель в районе Царицын—Астрахань — все это вопросы пути. Использование богатейших целебных источников Кавказских гор, их климати-

ческих станций, возникновение новых курортов — это тоже все вопросы исключительно дорог.

Мы поставили несколько историко-географических вех в области развития элементов пути в Казачьих Землях. Теперь несколько слов об общих географических условиях транспорта в Казачьих Землях. В оценке положительных и отрицательных условий транспорта той или иной зоны решающее значение имеют два обстоятельства: вертикальный и горизонтальный разрезы местности. Для транспорта воздушного местность значения почти не имеет. При транспорте морским значение ее не велико. При передвижении по суше на ней основано все, даже и при современных средствах сообщения. Вспомним только, что, подымается ли положно ж. дороги на 3 мм. на метр протяжения производительная работа паровоза падает на 50% ; повышение метра пути на 1 см. влечет за собой падение ее до 100%. Всякое небольшое повышение местности между двумя пунктами фактически делает их более отдаленными друг от друга. Транспорт никогда не идет по линии просто кратчайшей, но по линии кратчайшей экономически, т. е. по тому пути, который является самым легким, удобным, дешевым и безопасным. Отсюда делается понятным, что для транспорта оказывается напр., не столь решающим наличие гор, столь наличие горных проходов и вообще горизонтальное расчленение этих гор. Самая высокая горная цепь, при наличии удобных проходов, связанных между собой в желательном направлении, и т. д. может иногда представлять меньшие трудности для передвижения, чем ровная, но болотистая местность. Любопытно, что самые старые горные дороги чаще проходили на значительной высоте, по хребтам и избегали спуска в долины. Наиболее старые ж.-дорожные туннели тоже лежат высоко, прорезывают верхушку горы (Семмеринг, Бреннер). Развитие транспорта ознаменовалось спуском вниз. — Симплонский туннель лежит, напр., уже низко.

Террен Казачьих Земель в массе ровен. Те горы, которые бы могли стать существенным препятствием для развития транспорта, отмечают только юг Кубани и область Терскую. Однако, уже упомянутое нами решающее обстоятельство — расчлененность гор — здесь в значительной мере парализует вредную сторону вертикального разреза местности. В то время как основной хребет Кавказских гор лежит почти поперек направления с севера на юг, северное предгорье в большинстве случаев слагается из цепочек, направленных приблизительно по меридианам. На этот факт как то мало обращалось внимания. Между тем он может иметь большое значение не только в картине общего развития транспорта, но и в таком процессе, как появление и рост курортов, что, как мы уже говорили, является по существу проблемой дорог. Направление цепей предгорья делает более легким здесь доступ к горам. „вход“ в горы не столь затруднителен.

Технические трудности для развития ж.-дорожной сети могут представлять еще и плавни, особенно на берегах Азовского и отчасти Черного моря (Таманский полуостров). Небольшой опыт в этом кубанцы уже имели при постройке Черноморско-Кубанской ж.-д. дороги: „бездонные“ плавни у ст. Живило (у ст. Переясловской), где ж.-дорожная насыпь без конца опускалась и проваливалась, доставила не мало неприятностей инженерам строителям. Но, повторяем, это трудность чисто технического характера. Характер такового же технического препятствия для ж.-дор. сети представляет собой и факт поперечного пересечения Казачьих Земель рядом речных артерий. Беря все земли в целом мы можем констатировать, что в них для развития внутреннего транспорта представляются неограниченные перспективы.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Д-р А. Балабас.

Реформа или грабёж побежденных?

2. Большевицкое землеустройство на Кубани.

В № 25 „В. К.“, в статье под тем же названием, мы останавливались на доказательстве того положения, что Казачьи Края уже к концу XIX столетия не были многоземельны. Это положение не признавалось за действительное всем безземельным российским крестьянством, которое всегда искало спасения от своего безземелья и нищеты в переселении в „окраинные“ степи; точно так же малоземелье Казачьих Краев не признавалось за действительное и руководителями многих российских партий. Все они — и руководители и руководимые — считали Казачьи Края, эти, большей частью, степные „окраинные“ территории, какими-то общероссийскими земельными фондами, из которых имели быть удовлетворены все аграрные претензии безземельного и малоземельного крестьянского населения Европейской России.

В таком взгляде на Казачьи Земли особенно тверды и единодушны были те политические партии и группы, какие в истории русского революционного движения известны под собирательным названием „русской революционной демократии“, и которые мысли о многоземельи Казачьих Краев старательно внедряли в сознание руководимых ими масс. Всем им почему-то казалось (да и теперь еще кажется), что на пути к торжеству „социального равенства и справедливости“ стоит досадное препятствие — Казачество. Поэтому не удивительно, что горячим желанием всех, начиная от деятелей российского земства и кончая большевиками, было — упразднение, или хотя бы ослабление Казачества. Упразднение это почти всеми мыслилось довольно радикально, но в то же время недостаточно примитивно: требовалось всего лишь издание указа или декрета и раздачи казачьих „земельных излишков“ безземельному крестьянству.

Ни издать указа или декрета, ни отобрать „земельных излишков“ революционная демократия не успела, так как весьма скоро уступила свое место русскому „революционному пролетариату“, руководимому международным сбродом. Включив в свою программу все, что имело „радикальное“ в программах поверженной революционной демократии, „революционный пролетариат“ — большевики — не замедлили опубликовать, заготовленные их предшественниками, декреты, как об „упразднении“ Казачества, так и об отобрании у него „земельных излишков“.

Стоит ли говорить, что декрет об „упразднении“ Казачества есть всего лишь покушение с негодными средствами. Бояться того, что эта часть большевицких стремлений может быть осуществлена, не приходится. Казачество, как ни притрушено, как ни гонимо, живет и до сих пор, и в тяжких испытаниях, в неравной борьбе за свою жизнь против многочисленных и жестоких врагов своих, выковывает новые устои для новой своей жизни.

Но во второй своей части, в части отобрания у казаков „земельных излишков“, заветы революционной демократии большевиками выполнены полностью. Отобрание „земельных излишков“ большевики назвали землеустройством. И „землеустройство“ это, как ни велико было сопротивление тех, за чей счет происходило удовлетворение аграрных претензий местных и пришлых иногородних, ими, б-ками, на Кубани закончено в 1927 году так, как себе его представляли все завистники Казачества: земля казачья стала достоянием, иногда даже преимушественным, всех тех казаков, кто жил в Краях казачьих до революции, а так же и тех, кто пришел туда вслед за буденовской конницей. Поэтому — большевицкое землеустройство необходимо рассматривать, как удавшееся общероссийское стремление к ослаблению Казачества.

О том, как проводилось это ослабление, или точнее отобрание значительных площадей казачьей зем-

ли и наделение ими безземельного и малоземельного крестьянства¹⁾ рассказывают нам сами большевики.

Часто большевицкие авторы любят „опарашивать“ простодушных читателей „научным подходом“ ко всякого рода проблемам, разрешить которые им, большевикам, „судила история“. Не отсутствует „научный подход“ и при большевицком „землеустройстве“, которое стремились устранить и „историческую несправедливость“, и изжить „сословный антагонизм“. и „поднять культурность и продуктивность сельского хозяйства“, и проч. такое. Но насколько „научен“ большевицкий подход к одной из важнейших и сложнейших проблем революции, это мы продемонстрируем изложением некоторых утверждений одного из большевицких авторов, утверждений, какие, по его мнению, доказывали и оправдывали необходимость и радикальность „землеустройства“. За недостатком места, остановимся лишь на тех, нелепость которых заметна каждому.

Не только всякому казаку, но и самому предубежденному „городовику“ было известно, что казаки одной и той же станицы, в отношении землепользования, были между собой равны. Наблюдались значительные неравенства юртовые, возникшие вследствие причин, от казаков самих ни в какой степени независимых, но в одной и той же станице казачьи паевые наделы были одинаковы: пай станичного атамана был такой же величины, как и пай любого казака, пай казака-богача был таков же, как и пай казака-бедняка. Таков был обычай, закон, и никакого отступления от него никогда не наблюдалось. Большевики же, подготавливая настроения для своего „землеустройства“, или оправдывая его необходимость, не довольствовались наличием юртового неравенства. Устранение юртового неравенства могло, пожалуй, вести к действительному устранению земельных затруднений некоторой части населения, но это как раз не входило и не входит в задачи совласти. Антагонизм, вражда, склока в станице — вот идеал большевиков и поэтому они „обнаружили“ еще и земельное неравенство казаков одной и той же станицы. „Неравномерность распределения земли — читаем у В. Черного — даже среди казачества было так велика, что в станице (Пластуновской) было до 250 полупомещичьих „фермерских“ хозяйств, площадь земли которых превышала 50 дес. на каждое“.²⁾ И при этом ни слова о том, что это могли быть хозяйства исключительно многочисленных семейств, в которых дед, его сыновья и внуки ведут общее хозяйство.

Допустим даже, что такие „фермерские“ казачьи хозяйства были часты. Какая же беда в том? Ведь такого рода хозяйства, если они казачьи,³⁾ — коллективные хозяйства, ведь, это даже, в некотором роде, коммунистические хозяйства, т. е. тот род кооперирования, по-большевицки „супряжества“ хлеборобов, о котором столько шума в большевицкой теоретической литературе. И эти то идеальные формы „супряжества“ бельмом в большевицком глазу. Почему? Потому лишь, что в них не выдержана „чистота классово-линии“ потому, что в таких хозяйствах — благополучие, нет вражды, склоки, царит довольство, зажиточность, прекрасный живой и мертвый инвентарь, не голодные люди, разумное хозяйничанье, материальная независимость. Все это приводит в бешенство фанатиков рабства и нищеты, возбуждает зависть бездарных лентяев.

Этими „фермерскими“ хозяйствами дело не конча-

¹⁾ В. Черный. Политика партии на Кубани в области землеустройства. № 11—12 журнала „На аграрном фронте“. Москва, 1927, стр. 159.

²⁾ Ibid., стр. 161.

³⁾ А это предполагает, при незначительной величине паевого, что там объединилось несколько трудоспособных и совершеннолетних хозяев.

ется. Далее В. Черный о тех же пластуновцах пишет: „Попытки землеустройства в 1922 году имели довольно жалкие результаты. Казаки хотели давать землю только тем иногородним, которые жили в станице до 1914 г., при чем на таком далеком расстоянии от станицы... что иногородняя беднота, естественно, была лишена возможности ее обработать, и в таких порциях, при сохранении своих 7 дес. пайков, как одна дес. на едока. Неутверждение этого плана областными и от-дельскими земорганами развязало настолько острую сословную борьбу, во главе которой, со стороны казачества шла буржуазная верхушка, что ряд собраний земобщества не мог вынести никакого решения. Тогда значительная часть казачества, имевшая большие пай (речь идет о жителях одной и той же станицы. Б.) и не желавшая землеустройства, предприняла обход станицы для сбора подписей.“¹⁾

В этих четырех предложениях коммуниста из казаков В. Черного бездна демагогии и ничем не вызываемого извращения действительности. Подумайте, какой эгоизм у казаков: дают землю иногородним не около станицы. А что это значит, если разобраться? Дают ее там, где она свободна, где не насажены еще сады, где нет хуторов, где нет посевов люцерны, где не вырыты еще колодези, словом там, где землю получает и всякий казак, достигший 18 летнего возраста, и всякий новый член станичного общества. И далее: дают по одной дес. на едока, а себе оставляют по 7 дес. на семью. Едок количество весьма определенное понятие, семья — неопределенное. Это значит, что если в иногородней семье будет десять членов, то значит и десять едоков и семья эта получит 10 дес., а у казака, если бы у него оказалось и 10—12 членов семьи (что также не редкость) земли будет 7 дес. Так жестоко „обижали“ бессердечные казаки-пластуновцы своих „городовников“.

Такими и им подобными „научными“ приемами доказывалась радикальность большевизма „землеустройства“, которое, в зависимости от „объективной обстановки“, имело на Кубани три стадии своего развития.

Первой стадией, или периодом, большевизма „землеустройства“ считается время с 1920 по 1922 год. В течение этих трех лет своего первоначального господства на Кубани б-ки коренной ломки существовавших земельных отношений не производили. В этот период времени „земельная нужда безземельного крестьянского населения (иногородних) удовлетворялась по индивидуальным заявкам за счет общественных излишков, фондов и проч., при чем земля наделялась всего на один год.“²⁾ Делалось так потому, что у б-ков не было уверенности в прочности своего положения, а у иногородних, — что они удержат за собой свои завоевания. И потому землеустройство первого периода проходило часто в атмосфере пассивности некоторой части бедноты, отказывавшейся от земли, то вследствие маломощности и неспособности ее обработать, то из за боязни реставрации старого строя и угроз со стороны кулаков(?): „вернутся наши, — мы дадим вам земли!“ Тогда... оказывались возможными случаи, когда... иногородний, перед тем, как получить отводимую ему землю, тайно отправлялся в плавни к главарю бандитской шайки и спрашивал у него „разрешения“ на получение земли“.

Юридическим основанием этого периода землеустройства был декрет „ВЦИК'а и СНХ о землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях“, изданный соввластью 24 ноября 1920 года. Декрет этот, как „законоулысто“ выражается цитируемый нами большевизский автор, „исходил... из объективной обстановки и ориентировался на формальное закрепление фактического землепользования, ограничиваясь минимумом изменений в нем... Декрет ставил задачу удовлетворения земель безземельного населения за счет земель нетрудового пользования“ и вводил в качестве нормы

наделения трудовую силу, т. е. совершенно не затрагивая казачьего землепользования“.³⁾

Легко теперь видеть на что был рассчитан этот, с позволения сказать, декрет. Не преследовал он, собственно, действительных землеустроительных целей. Был это тактический маневр московского жулья, чтобы на время усыпить и обмануть казаков: б-ки, мол, насколько не радикальнее Рады — отдают иногородним только нетрудовые земли, общественные излишки, фонды и совершенно не затрагивают настоящих пашевых надделов. Поэтому декрет этот на местах часто называли „казачьим законом“ и поэтому „закон“ казаки охотно и без принуждения отводили в станичных юртах землю своим станичным иногородним.

Но „казачий закон“ имел силу до тех пор, пока в лесах и плавнях жили зеленые. Лишь только большевики уничтожили зеленых, как сейчас же соввласть „делает осторожные попытки вторжения в казачье землепользование и включение его в основное землеустройство трудовых земель“.⁴⁾ Немедленно было обнаружено, что „нетрудовых земель из общей площади в 3,273.000 дес. в нынешних границах Кубанского округа было всего 187.000 дес., т. е. 612.051 дес. Иногородних же, претендовавших на получение земли в границах того же Кубанского округа, было 441.000 дес.“⁵⁾ Ясно, что при таком положении вещей нельзя было говорить о полном удовлетворении „земельной нужды иногороднего населения“ без вторжения в казачье землепользование, нельзя было „разрешить коренного вопроса революции на Кубани, из-за которого по сути дела недавно была ожесточенная гражданская война“.⁶⁾

Таким тоном заговорили б-ки когда одних расстреляли, других сослали на Соловки и в Сибирь, своих активных противников. Уверенность в прочности положения соввласти в казачьих Краях обозначила начало второго — 1923—1924 г. г. — периода большевизма „землеустройства“, периода, который, как отмечено уже выше, начался с осторожного вторжения в казачье землепользование и целью своей имел полный передел „земли между казаками и иногородними“ и наделение землей всех иногородних, какие народились в пределах Кубанского Края до 22 мая 1922 года. Такových, как уже отмечалось, оказалось, по предварительным подсчетам, в округе 441.000 душ. Нормой надельности было установлено 23 дес. на едока. Следовательно, иногородние, после землеустройства второго периода „получили в свои руки — по одному Кубанскому округу — 1,014.000 десятин“ земли из „нетрудовых“, войсковых и станичных запасных земель и из казачьих пашевых надделов, т. е., треть всей территории округа. Здесь необходимо заметить, что в общее число не включены те земли, какие признаны „трудовыми“ за бывшими частновладельцами иногородними.

Отвалив эту глыбу и произведя какие-то манипуляции с данными, „характеризующими распределение земли до революции среди отдельных типов казачьих хозяйств“, большевики заявляют, что „казачья беднота и часть середняков, оказалась выигранной в результате землеустройства“.⁷⁾ А общий вывод большевизских „землеустроителей“ тот, что, „землеустройству на Кубани было проведено не против Казачества, а против небольшой верхней части казаков при поддержке или пассивном сочувствии подавляющего большинства казачества, часть которого (беднота) непосредственно выиграла от землеустройства... а другая часть (большинство середняков) ничего не потеряла или даже кое-что выиграла“.⁸⁾

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Весь Кубанский Край б-ки разделили на несколько округов. Все сведения, какими я здесь пользуюсь из ст. В. Черного, относятся только к нынешнему Кубанскому округу, равному, приблизительно, 1/3 всего Кубанского Края. Поэтому, кто хочет иметь представление об изменениях по целому краю, должен все числа увеличить приблизительно в три раза.

⁴⁾ Ibid., стр. 160.

⁵⁾ Ibid., 173.

⁶⁾ Ibid.

¹⁾ № 11—12, На аграрном фронте. Стр. 161—162.

²⁾ Ibid., стр. 159—160.

³⁾ Земли помещичьи, монастырские, церковные. Б.

Нет необходимости доказывать неправдивость этих утверждений. Приходится только удивляться: кому и для чего нужна эта неправда. Было бы гораздо лучше для обеих сторон — и для победителей и для побежденных — если бы просто было констатировано: иногородние хотели поделить казачью землю, они за это воювали и, поддержанные в этой борьбе б-ками, войну выиграли. И ничего больше: казаки хорошо знают, что победитель несет потери не только в проигранной битве, но и долго еще после нее. Но б-ки хотят доказать, что и казаки выиграли. Ненужное измышление!

Второй период большевизского землеустройства носит у них название основного землеустройства. В этот период, по плану, должна была быть удовлетворена земля вся масса безземельного иногороднего населения оказавшегося на Кубани, что в действительности и было выполнено на 98%. Остальные 2% безземельных, что до конца 1924 г. земли не получили, должны были быть удовлетворены после основного землеустройства уже непосредственно за счет вновь сформированных земельных обществ, т. е., опять таки за счет нового сокращения паевых наделов, так как уже никаких излишков нигде не оказалось.

Характерной особенностью второго периода большевизского „землеустройства“ было — стремление всех иногородних получить и закрепить за собой землю, а также установить привилегированный статус своего положения в Казачьих Землях. Этот период — медовый месяц новых господ притязания, особенно тех ландскнехтов от революции, разных Иванов, непомятых рода, что за конницей Буденного хлынули в Казачьи Земли и здесь своей жестокостью и бессмысленной расправой правополучателями часто в ужас и самих иногородних. Это период политики „расказачивания“, примелькавшейся в тех или иных местах сворганами и находившей выражение в законотворческой администрировании, которая приводила к изъятию из официального лексикона слова казак, к запрещению ношения казаками: черкески, кинжала, лампас и пр.⁽³⁾

Во второй период большевизского „землеустройства“ яснее ясного стало и большевистствующим и „нейтральным“ казакам (которые свои нейтралитет всегда оправдывали тем, что „иногородние на казачьи пай не посягают“), что большевизское землеустройство было направлено прежде всего против Казачества. И поэтому в этот период так ярко сказались „исторический сословный антагонизм, питавшийся соображениями об исторических правах Казачества: наши деды проливали кровь за землю, а тут понаехали из России и хотят воспользоваться нашей землей“, „воевали за панскую землю, а теперь делают нашу — казачью“.⁽⁴⁾

Не „исторический антагонизм“ слышится в восклицаниях казачьих, которые большевизский автор воспроизвел правильно, но истолковал превратно. Это восклицания обманутых, которые к тому же видели невозможность и бесполезность сопротивления. И к концу 1924 г. на Кубани уже не было безземельных иногородних не только среди тех, кто жил там до прихода б-ков, но и среди тех, кто появился на Кубани вслед за буденовской конницей.

⁽³⁾ „Правда“, № 166, 1925

⁽⁴⁾ Ibid., стр. 167.

И, несмотря на это, большевики не считали свое землеустройство законченным. В апреле 1925 года ЦК компартии снова отдает приказ о „быстром и полном проведении землеустройства“ в казачьих округах. И с этого момента начинается третий период большевизского землеустройства, период, в котором развертывается „широком объеме и быстрым темпом работа по окончательному устранению сословного неравенства между иногородними и казаками“.

Действительная же суть этого распоряжения была та, что под „устранением сословного неравенства“ разумелось стремление к созданию, как выражались сами большевики „перевернутого“ положения во взаимоотношениях казаков и иногородних. Раньше, до революции „бесправны“ были иногородние. С приходом большевиков стали бесправны казаки. И вот к закреплению этого бесправия казаков, а не к действительному устранению „сословного неравенства“ были направлены все мероприятия большевиков во второй и особенно в третий периоды их „землеустройства“. Подтверждает это и большевизский официоз „Правда“ в номере от 23 июля 1925, когда говорит, что господами положения в области политических и хозяйственных отношений в „казачьих районах стали другие, не казачьи слов: „иногородние“ на Сев. Кавказе, крестьяне в Сибири, киргизы — в Киргизии“.

Как воспользовались своим привилегированным положением новые господа положения, показывают земельные переделы, проводившиеся после апрельского большевизского распоряжения. В одной станице Холмской — пишег В. Черный — при переделе в 1927 году, вопреки вековым казачьим традициям собрание уполномоченных земского общества лишило прав на землю и тех казаков, какие имели хоть какое либо подсобное занятие. „Таким образом, было лишено прав до 200 хозяйств“.

Большевики, как всегда, всюду и во всем и в своем „землеустройстве“ перегнули палку. Они так увлеклись устранением „сословного неравенства“, что вскоре ударили и по тем, кто еще вчера горячо поддерживал все их мероприятия.

Скоро было замечено, что безземельных, прибывших в пределы Кубанского округа после 22 мая 1922 года, наделить „в условиях малоземелья и ожесточенной борьбы за землю, совершенно невозможно. Вопрос об их наделении есть острый вопрос, принимающий все большую остроту. Если раньше против переселенцев были только казаки, по вполне понятным причинам, а безземельные местные иногородние крестьяне их поддерживали и были на их стороне, то теперь, после наделения земель местных иногородних, против переселенцев стоит единый фронт казаков и иногородних — бывших безземельных. Теперь и те и другие одинаково заинтересованы в земле, в сохранении существующих наделов и величины норм, и поэтому единодушно борются против угрозы их дальнейшего уменьшения“.

Принимая во внимание это, для Казачьих Земель новое обстоятельство — общий фронт казаков и иногородних против дальнейшего вселения переселенцев — попробуем в следующий раз сделать соответствующие выводы.

⁽⁵⁾ Ibid., стр. 163.

Шамба Балинов.

О чем заботятся руководители Калмыцкой Автономной Области.

(Окончание).

Недоумение и горечь усиливается еще тем, что автор статьи, ныне принявший коммунистическую веру, не из молодых коммунистов, а пожилой человек, еще до революции игравший некоторую роль в калмыцкой общественной жизни.

Тот же автор, в начале своей статьи, категориче-

ски утверждает, что „между калмыцкой интеллигенцией и простым народом образовалась огромная пропасть (не читал ли он о „рве“ Кусковой?). Это плохо (Еще бы?). Эту пропасть непременно нужно зарыть“.

Это называется с больной головы на здоровую! В это утверждение нужно внести необходимую поправ-

ку: вместо: „калмыцкой интеллигенцией“, следует читать: „калмыцкими коммунистами“. А что между многочисленными калмыцкими коммунистами и калмыцким народом существует „огромная пропасть“, является истиной для всякого калмыка, находящегося в здравом уме и твердой памяти. Тут „Америку“ открывать нет никакой надобности. Надо быть только душевно здоровым и элементарно честным. Так же ясно, что эту „огромную пропасть“ коммунистам никогда не закрыть, ибо это противоречило бы природе калмыков.

Этот автор, видимо, одержим страстью все „сжигать“. Одно время он носился с проектом сжигания девичьих камзолов. В конце концов он практически осуществил этот свой проект и действительно сжег много девичьих камзолов. И теперь не исключена возможность, что он начнет практически осуществлять свой проект (в его отрицательной части) и начнет сжигать так ему ненавистные калмыцкие кибитки, имея в виду в далекой перспективе построить „теплые дома“ и калмыцкие города.

Избави, Боже, калмыцкий народ от подобных раздетей, — можно только сказать.

А этому пылкому автору проекта следовало бы помнить, что, кто во имя неверного блага совершает зло — тот величайший преступник.

Как выше сказано, газета изобилует всевозможными доносами. Литературой этого сорта заполнена почти целая страница. Приведем из нее некоторые „цветики“, оставив „ягодки“. Некий „Быч“ сообщает, что в МКК-е Зюлевского аймака Бага-Цохоровского отдела место секретаря занимает:

... „человек, имеющий в Еногаевске дом в 4-5 тысяч рублей, который приносит ему ежемесячно около 30 руб. дохода“.

„Быч“ рассматривает это как преступление и возмущается, почему до сих пор власть не убрала такого преступного элемента. Таких сообщений много. Владение маленьким домиком рассматривается как преступление. А как же с проектом Карвина о постройке домов и городов?

Некий М. Б. сообщает о приемах калмыцких „богачей“, к которым они прибегают для сокрытия от зоркого взора власти своего имущественного положения. Для этого „богатые“ семьи прибегают к фиктивному выделу детей. А для того чтобы эта их проделка не дошла до властей, „богачи“ подкупают отдельных коммунистов — вершителей местных судеб.

... „Коммунист Нарна Санжи, войдя в соглашение, дает свои советы „богачам“ Кукан Басанг, Салыктин Н. и др.; Алтхан Н., находясь во главе Балдырского аймака, получил коня (от „богача“); третий член президиума УИК-а Манджин Д. собирал для „богачей“ овец; начальник налогового стола Улдган Ю. у одного богача взял 30 овец; заведующий налоговым делом Овсянников и Нечесов постоянно пьянствуют с богатыми торговцами села Лагана“... и т. д. и т. п.

Так красочно описывается „деятельность“ коммунистов в Калмыцкой Автономной Области. Честные люди за право жить и трудиться в „советском раю“ совершают недобрые поступки, идут на хитрость и обман, за что их власть крестит преступниками. Но „в преступлениях народа — вина на правителях“, — говорит китайская мудрость.

Нам легко себе представить душевное состояние этих „богачей“, когда они за право называть свое своим вынуждены отдавать пьянщикам, проходивцам кровью в трудом добытых овец, коров и лошадей. Неудивительно поэтому, что многие калмыки предпочитают находиться в пастухах в чужих землях („подальше от греха“). Примеру таких последовали недавно вернувшиеся домой из-за границы калмыки С. (вернулся в 27 г. из Чехословакии) и У. (вернулся в том же году из Франции).

Оба хорошие хозяева, развитые калмыки, знакомые с ведением сельского хозяйства в Европе и с достаточными деньгами, чтобы завести свое хозяйство. И все же они, отказавшись от мысли завести свое хозяйство, пошли в пастухи в казачьи станицы...

И они под влиянием проповеди „дальновидных политиков“ из калмыцкой эмиграции, живя в Чехии и Франции, с пеною во рту доказывали „всю бессмысленность пребывания в эмиграции“, рисовали яркими красками картину жизни в СССР и нашли смысл жизни... в пастушестве на окраине какого-то захолустного хуторка. Нет предела человеческой наивности, и подлости...

Да, не сладка жизнь калмыков на родной земле! Не мешало бы об этом помнить тем из калмыков в эмиграции, чье сердце льнет к коммунистам, чей язык поворачивается говорить, что советская власть принесла счастье калмыцкому народу. В особенности тем из них, которые постоянно проповедают среди калмыцкой молодежи в эмиграции о высоких достижениях Калмыцкой Автономной Области школьного дела, о возможности широкого выбора специальности и легкости учения...

Это, конечно, не значит, что калмыкам не нужно ехать „домой“. Никто не имеет морального права говорить эмигрантам: „не едите домой“. Всем известно, что жизнь в эмиграции не сладка, кусок черного хлеба дается не даром, тоска по Родному Краю велика, что порою бессмысленно умиляет язык на чужбине... Но и на Родине нашим братьям живется не сладко...

Некий Санко (характерно — почти все пишут под псевдонимом) поет дифирамбы советской власти. Между прочим он пишет, что в прошлом калмыки выносили двухэтажное страдание от старой русской власти и от насилия и давления своих руководителей. Среди последних

„нет ни одного человека, который сделал бы что-нибудь существенное для потомства... Не было школы, куда отдавать детей, не было больницы, где могли лечиться больные, как рыбы в океане болтались калмыки“...

Теперь, по утверждению автора, все это дала советская власть и нынешние калмыки-коммунисты оставят „существенное потомству“. Что можно сказать против этого буйного поношения всего старого и влюбленной самовоспевания? Эту лозь можно опровергнуть приведением фактических данных из жизни только донских калмыков. Последние до революции 1917 года имели около пол-сотни хорошо оборудованных народных школ с подготовленным педагогическим персоналом в достаточном количестве. Почти все дети донских калмыков получали начальное образование. Я не говорю о духовных школах, существовавших при каждом буддийском Хуруле, так как подобные школы для коммунистов являются абсолютным злом.

В каждой калмыцкой станице имелись амбулатории с фельдшерским персоналом и достаточным медикаментом. Кроме того, в станице Иловайской имелась прекрасно оборудованная земская больница со штатом врачей и фельдшеров. Так что было где лечиться калмыкам.

Хозяйственная жизнь донских калмыков быстро развивалась. Благоустроенные станицы и хутора, цветущие различного рода хлебными злаками поля, прекрасные фруктовые сады и виноградники, огородничество, бахчеводство, о которых коммунист Карвин только теперь мечтает, для донских калмыков не были новостью. Все это было у них, но разрушили, разграбили гг. „товарищи“, теперь выдающие себя за строителей калмыцкой народно-хозяйственной жизни, продающие „крокодиловы слезы“ над отсталостью калмыцкого народа. Этих беглых сведений достаточно, чтобы уличить г. Санко в беззастенчивой лжи.

„Высший преступник тот, кто умеет притворяться правдивым“ — сказал Калмыцкий Хан Шукур-Дайчин.

Притворяются ли правдивыми или добросовестно заблуждаются нынешние руководители Калмыцкой Автономной Области?

Агроном И. М. Евсиков. (Болгария).

О сельском хозяйстве Родных Краев.

(Окончание).

Наше незнание проявлялось всюду. В области скотоводства часто являлось причиной различных несчастий. Почти уже откормленные свиньи или овцы, без всякой видимой причины становились жертвами неизвестной нам болезни, а в сущности самой простой и легко устранимой. Корова вдруг прекращает давать молоко или еще хуже, новорожденный теленок или замерзает или умирает от случайных движений его же матери или других здесь-же находящихся животных. Гораздо меньше было бы подобных несчастий, если-бы хозяина научили следить за беременностью коровы, ухаживать за ней и предусмотреть возможные опасности. Своих коров мы как-будто не ценили, а все хвалили красных-немецких или пестрых-семенгальских. И как только какая-либо из последних, породистых — так называемых, попадала во двор хозяина, она за короткое время становилась такой-же как и его местная белая или синяя корова. Да и твердо уверен, что, если нашу местную корову подвергнуть необходимому питанию и уходу, то она даст превосходные результаты, ибо для культивирования всегда ценнее местный материал, уже установившийся — акклиматизированный.

Наше незнание часто служило причиной исчезновения целых роев пчел. Нередко эти ценные насекомые падали жертвами голода, холода или недоброкачественного питания, каковые условия подносили им незнающий хозяин. А не случались ли такие года, когда наши обширные сады не давали ни одного плода. Странным нам казалось подобное явление; на все свои вопросы тогда мы нигде не могли получить ответов и всецело полагались на Бога, на Его щедрость, не заботясь разгадать причин, чтобы потом предупредить их появление.

Недочетов, в нашем сельском хозяйстве было так много, что и не перечесть и не только на поле, в садах, при производстве продуктов, но так-же и в доме, при сохранении уже полученных продуктов. Мы часто не умели сохранять, использовать добытое, быть может, тяжким трудом, зато умели легко и безвозвратно выбрасывать, чему не раз каждый был свидетелем.

И вот, невольно возникает вопрос, как же все это устранить, как научиться? Задача нетрудная и разрешимая, если взяться за нее в государственном масштабе, при участии правительства, дав ему на помощь свое сочувствие, силу и энергию. Раньше мы были совершенно лишены специалистов, агрономов, которые являются первыми учителями населения и наставниками в деле производства сельско-хозяйственных продуктов. При таком состоянии, разве может казак-земледелец идти правильным путем для достижения своих целей? Не буду говорить кто и в какой степени виноват в нашей необразованности и неграмотности. Скажу только одно, что казак менее всех виноват, ибо он имел желание учиться и участвовать своим капиталом в деле образования своих казаков. Нет надобности повторять слова старших, что бывшее правительство почему-то нам не разрешало отрывать учебные заведения у себя на собственные средства. Достаточно констатировать тот факт, что среди миллионного казачьего населения, в стране истинного земледелия, мы не имели ни одного даже среднего, не говоря уже о высшем, сельско-хозяйственного училища; считалось, что казаки могут быть удовлетворены теми 2—3 земледельческими школами, которые в то время существовали, теми наездами и лекциями агрономов из центра и передвижными сельско-хозяйственными выставками, которые случались один раз в 10—15 лет.

Нам нужны агрономы, обязанностью которых является общее руководство сельским хозяйством целых областей, а не отдельных хозяйств. Для того, чтобы иметь таких людей, необходимо у себя на казачьей земле иметь собственный Высший Сельско-Хозяйственный Институт. В помощь агрономам нужно придать, так называемых, техников-агрономов, для создания ко-

торых необходимо открыть сельско-хозяйственные курсы. Не лишнее дать необходимые сведения по агрономии народным учителям и желающим чиновникам станиц, которые всю свою жизнь проводят в среде простого казака и которые являются первыми учителями и наставниками населения по всем вопросам. Для этой цели нужно учредить кратковременные курсы, используя время вакансий как народных учителей, так и учителей средних сельско-хозяйственных училищ.

Огромное значение для развития сельского хозяйства представляются всевозможные показательные сельско-хозяйственные институты, как то, земледельческие станции, опытные поля, скотоводные институты, рассадники и т. п., которые, помимо разрешения теоретических вопросов, приносят чисто практическую пользу. Прежде всего создается наглядный пример для земледельца, модель того идеального хозяйства, к которому должен стремиться каждый хозяин. Личные наблюдения мне показали, что подобные институты вполне отвечают своему назначению. Я видел, как в районе опытных полей, крестьяне-болгары, видя свой идеал хозяйства, всеми силами старались подражать тому, что производится на этом поле, старались вводить все то, что видели там. Село, непосредственно примыкавшее к такому полю, уже поняло большую пользу культурного плуга, в то время как другие, далеко отстоящие, еще и не думают расставаться со своим ралом или сохой. Постепенно наблюдая в животноводных институтах за уходом коровы и видя результаты этого ухода, крестьянин, уже смело вводил все виденные приемы в свое хозяйство, чем повышал молочную производительность своей сельской коровы.

Кроме этой показательной роли сельско-хозяйственные институты имеют другое важное значение. Они являются производителями и распространителями в отдельные частные хозяйства первокачественного и подходящего для местных условий растительного и животного материала. Вообще акклиматизированный и дающий хороший доход, скажем, какой-либо сорт пшеницы, естественно, привлечет внимание земледельца, который непременно-же пожелает засеять этот-же сорт на своем поле. Для насаждения садов или виноградников, казаки редко пользовались культурными облагороженными расами растений, а все больше примитивными. А вот, если-бы по соседству были, скажем, и рассадники, эти культурные виды растений, казак, конечно, бы постарался насадить такие-же расы, чем бы, несомненно, повысил бы доходность своего сада или виноградника. Много и очень много можно было говорить о полезности опытных полей, рассадников и т. п. сельско-хозяйственных институтов, без которых я даже не мыслю пути к поднятию нашего сельского хозяйства, а с ним и вообще нашего экономического благосостояния на более высокую ступень.

Все это не есть само по себе нечто новое, но для нас оно ново. Ново потому, что его не было у нас, ново потому, что наш казак-земледелец не имел об этом понятия и ново еще потому, что только при помощи этого мы можем возродить наше сельское хозяйство и увидеть его в совершенно ином, новом виде.

В заключение изложенного хочу сказать несколько слов о том, что проблема нашей экономической мощи достаточно ясна, если принять во внимание осуществление всех факторов развития главного занятия населения — сельского хозяйства, которое неминуемо повлечет за собой к экономическому укреплению и другие виды народного хозяйства. Не верны мнения некоторых, которые утверждают, что мы бедны, мы немощны, такими и останемся до момента, когда глыба из сильных (?) соседей не наложит свою руку. Эти люди утверждают, что народ не может существовать не имея, скажем, фабрик для постройки паровозов и вообще все необходимое для населения. И нет нужды иметь все, утверждаю я. Достаточно иметь один.

по крайней мере, продукт, которым бы можно было участвовать в мировой торговле, что-бы за него получить эквивалент необходимого продукта. Мы были богаты хлебом, за что получили название „житницы“, богаче и тепер других областей СССР, и будем богаты не только одним зерном, но и всеми остальными продуктами сельского хозяйства. А раз эти продукты будут у нас на лицо в достаточном количестве, то на верное будут и железные дороги с паровозами и паромы для перевозки товаров, даже в том случае, если мы не будем иметь фабрик для постройки этих последних.*)

*) Прим. редакции.

Соглашаясь с автором, что земледелие в Казачьих Землях играет и будет играть исключительное значение, мы все же полагаем, что чисто физиократический взгляд автора на земледелие, как на единственный источник богатства, нуждается в известных поправках, которым подверглась в свое время школа физиократов вообще.

При наблюдении здесь, за границей и сравнении факторов, способствующих развитию сельского хозяйства, с данными наших Казачьих Земель, бросается сильно в глаза тот факт, что мы в этом отношении более счастливы, ибо наше сельское хозяйство поставлено в несравненно лучшие природные условия; остается только приложить свои труды и желания, чтобы добиться равенства со своими сильными (?) соседями, а если нужно, то и превзойти их.

Кроме того, богатства Казачьих Земель не исчерпываются одними дарами природы в области земледелия. Так же несколько смело утверждение автора о достаточности наличия одного продукта мирового обмена, чтобы получить на него все желанное: в тяжелых условиях мировой экономической борьбы это бывает не всегда возможно, часто трудно и в большинстве случаев неудобно. Впрочем, как прочтет в будущем и сам автор на страницах нашего журнала, нам нечего бояться, что все наше участие в мировом обороте будет сводиться к вывозу лишь „одного продукта“.

П. Нос.

Новые разговоры.

... Чувствуя голод, решаю зайти где либо пообедать и направляюсь в русскую столовую. Два обихих стола, без всяких покровов, грязные стенки комнаты и всегда в ней полно людей. Там можно встретить кого нужно или кого желаешь, там же можно услышать много разных новинок.

Вхожу и сажусь у стола. Около этого же стола, возле стенки, сидят два человека. Один из них студент, а другой простой смертный. Г. Ведут между собой разговор о казаках. Настораживаю уши. Студент, что то рассказывает о жизни казаков. Г. спрашивает:

— А вы что, казак?

— Нет, но...

— Но что? — перебивает его Г.

— Но уважаю казаков, продолжает студент. — Знаете, казаки — особый народ, именний особые природные дары, которые у нас, русских, отсутствуют.

— Много преувеличиваете, говорит ему Г.

— Ничуть, отвечает студент. Вы, возьмите их силу и мощь, смотрите, как они умело приравниваются к тому положению, в котором находятся, а мы?

— Но вы знаете, что казаки начинают самостийничать, говорит Г.

— Да, отвечает студент, но кто же виноват этому?

Виноваты ведь мы. Виноваты потому, что не хотели их понять и мешались всюду, где было нужно и не нужно. Я с большим почтением отношусь к этой идее. Она у них построена на здоровом начале их уклада и быта. Сотни лет казаки служили и оберегали русское государство. Пусть после этого всего коншмара послушат сами себе.

Много еще говорил студент и только изредка возвращал ему Г.

Окончив обед, они встали и ушли.

Идя домой, я встретился со своим другом Костей. Здоров, здоров. Откуда? спрашиваю его. — Ходил, говорит, обедать. Сегодня обедал в ресторане на Царь Шшшман. Знаешь, говорит он, слушал, как два русских, обедавших в том же ресторане, говорили о нас, о казаках. Один из них говорил: разве нас сюда загнали большевики, нет, мы сами себя загнали. Наше командование неправильно поступило, вмешавшись во внутренние порядки казаков. Строили казаки свое государство и пусть бы строили. Ведь не отказывались же они итти вместе с нами освобождать от коммунистов Москву. Сейчас бы сидели у себя дома и казаки и мы. Так нет, — единая неделимая! вот тебе и неделимая. Вышло, что — делимая...

Думы и мысли.

О политике.

... „Казак должен быть вне политики...“

И правильно. Золотые это, атаманские слова. — Ну разве же казачье дело впутываться в политику, да еще чужую? Какой такой казак, который называет себя то „кадетом“, то эсдеком, то октябристом, а то и монархистом...

А за казачество, вздохнув, говорит:

— Пережиток... Отошло в область предания...

— А мы, де, люди реальной политики.

Вот в такую-то, с чужого плеча, политику по нашему разумению и предупреждает атаман — не впутываться.

Не идет это казаку.

Раньше то в чужую политику не путались. И от Христа своего не отрекались. И не говорили за старину, за вольноказачье житье-бытье. Взят хотя-бы время новейшее, когда в России на место Самодержца — „парламент“ объявился.

Были и тогда среди нас, казаков, к примеру сказать, кадеты. Как, напр., п. Кондратий Лукнич Бардиж.

Да ведь весь его „кадетизм“ был не более как та шпага, что висела обок народного учителя, дослужившегося до коллежского регистратора! И которая нужна(?) ему была лишь на „параде“. А не в школе.

— А це шо за зброя? — спрашивали казаки, увидав на правом фланге школьников учительскую шпагу.

Действительно, фигура смешная. У каждого невольно срывается с уст:

— Ну, зачем ему шпага?

Еще смешнее выглядит в станице казак — „кадет“, или „эсер“.

— А чи чули?.. Кадет якийсь з Петербургу приїхав?..

— Тю, дурний! Та то ж Хоменко!

— Дарма... Кажуть, шо він кадет.

— Та шо-ж воне таке?

— Воно... воно... шо ще ніколи у козаків не було, а тепер є.

Вроде, как приснопамятные „качели“ в „Псише“ Беляева.

Спрашивает на „Спектакле“ гомно вздыхательный помещик „хохла“ из Кобеляк:

— А качели у вас есть?

— Які-такі „качелі“? — удивляется тот.

— Да вот такие (красноречивый знак около шен).

— Ні, отвечает, подумав, „хохол“. Нема... а ось як ваша милость до нас приїде, — зробилять...

Вот и у нас в угоду парламентарному времени кадетів на Кубані робили.

Ну, правду сказать, мало было у нас казаков, что в станицы с кадетскими шпагами заявлялись. Слишком хорошо знали они казака и станицу. И шпагу свою оставляли на параде. Она у них была, так сказать, билетом на вхождение во всероссийскую Думницу.

Кто-же может сказать, что, напр., Кондрат Лукнич, войдя с кадетским билетом в Думу, проводил там и кадетскую политику?

Как никто не будет утверждать, что учитель обрабатывает в школе методическую единицу шпагою...

Были у нас и „эсары“... „Земля и Воля“. А в станицах добавляли: ... со всеми лесами и недрами, плюс отнятое...

От таких „всенародников“, понятно, некоторые их „единомышленники“ отрешивались...

А как только, бывало, сойдутся такие „разнобойные“ политики — моментально „казачий клуб“ основывают. Самый что ни на есть — самостийнический. Потому что, одень ты казака хоть в октябристский вицмундир, хоть в эсеровскую косоворотку — казак казака издали видит. Да и другие-то в ших голько казаков и видели. Не даром же газеты того времени рисовали наших депутатов с кинжалами в зубах...

Насколько могли — к своему берегу пригребали. Скопом. Казачим.

И „пережиток“ применили не к казачеству, а „совсем наоборот“...

А разве не правы руки? Где сейчас этот настоящий „пережиток“? Что „отошло в область преданий“?

Теперь мы это знаем. Знаем и как отошло. И кто были первыми крысами... Урою „из политики“ хороший извлекли.

Да и станицы-то ныне не чета старым, Кубанским. Европеизировались. Вместо какой нибудь Старонижестеблиевской — Парвжская; вместо Леушковки — Марсельская, или там Ривьерская... Казалось бы, что нынешние и политичары“ будут куда как осторожнее со станичниками. А уж с властями станичными совсем на чеку. Это не старинка белобородая, да седочуприная. Всё — лысая молодежь из Сорбонны, Карлова университета, Кэмбриджа и т. д.

И все же — не стесняются эти г. л. „политики“. Агитируют. Просвещают казаков. И, говорят, успех имеют. Вроде такого:

Только это соберется станичный сбор на какой нибудь авеню или штрассе. Рассядутся. Крякнет атаман. В колокольчик позвонит. Ткнет в бок писаря, чтобы приговор читал... А уж какой нибудь, Бог вест как сюда попавший, Кочетовский Миллоков, или Калниболотский Керенский, такими „аргументами“ казачество бьет, что все выборные потихоньку за носы себя пощипывают: действительность ли они, или так, пережиток один...

Ну и дрогнет сбор. И рассыпется станица: кому же охота в „пережитках“ числиться.

А через день, два — одни уж на Аракс „грозно врял“ собираются; другие — самооплевыванием от „бесовского навождения“ очищаются.

Вот и влугались в политику.

Другими словами: после временного „затемнения“ нашего, когда мы защищались от навалившейся на нас роскошмумы, и из гордыне своей объявили себя от нее независимыми, и даже — свободными — пока принципиально, — а потом — доблестно обещаем и клянемся грудью белую защищать Россию Черную, Россию Красную, Россию Белую... от всех ее врагов внешних и внутренних...

— И все хорошо. И эмигрантская пачать довольна. И Баре „казачка“ по плечу похлопывают.

— Служишь?

— Служу, В-ашество!..

И, конечно, опять становятся „реальною силою“. Лучшее.

Ясно и коротко.

Отрекись казак от „Вольного“ — лучший. А с Волею — „скорбноголовый“. Продажный.

А кто у Вольного казака эту самую „Волю“ покупает — неизвестно. Сами-то „баре“ ее за казаками вообще не признают... Много много, если за службу верную, примерную приказным пожалуют.

Ну, стоит ли в эту самую приказную политику впутываться?.. Когда и без нее ясно, что два-жды два — четыре. Что казак — Вольный человек. Что только тогда он и казак, когда Вольный.

А если так, то где-же и быть казаку, как не в кругу Вольного Казачества? Со своими. И без „политики“. И „программ“ новых учить не надо. Ибо она, Вольно-Казачья, давненько то написана. И знают ее все на память. Потому — не чернилами на партийных съездах писана, а кровью по Дикому Полку. Животами дедов и отцов наших.

Это не „политика!..“

— „Не выдерживает критики мудро-ученых?“ И прекрасно. Вот их „партии“ и „программы“ критику выдерживали, а перед первой встречей с действительностью в нетях обрелись. Казачья-же Вольность с честью той выдержала. И вышла из него еще более окрепшею.

Ей-ли бояться „критики“?

Пусть они бьют критикой, а мы их непреложными законами действительности. Живою жизнью.

Подумать только, что было-бы, если-бы все казаки, забыв себя, вдруг определились „политически“ — то как „кадеты“, то как монархисты, или там социалисты. И „общепризнанных“ шефов своими признали. Чьим бы „шефом“ тогда Атаман остался?.. А мы ведь это не „шефом“ а Атаманом выбрали.

Вот и предупреждает он „впутывающихся в политику, заблудившихся. Как Бульба своих хлопцев с дуба.

— Левее, левее, хлопцы!.. Там, за бугром, тропа к Днестру... А за Днестром — Воля!.. Иначе — пропадете!..

Вл. Куртин.

Казаки о „В. К.“

I.

*Милостивый Государь,
Господин Редактор!*

Мы казаки, живущие в Болгарии, вот уже год читаем Ваш, близкий нашему казачьему сердцу журнал „Вольное Казачество“; от души радуемся, что в среде нашей интеллигенции нашлись смелые люди сказать правду-матку.

Вы первые подняли знамя за свободу и вольности казачьи. Мы нашим простым казачьим умом, учитывая все пережитое, как там в наших родных краях, так и здесь за границей, пришли к одному заключению, что окружены со всех сторон врагами казачества...

Выход из такого создавшегося положения один — объединение в одно целое всего Казачества с верными нашими союзниками — коренными крестьянами.

Довольно быть военными рабами Москвитин и защитниками чужих интересов, — пора подумать и о себе.

Прошлая борьба за свободу и вольности казачьи нам показала, что мы проиграли войну, потому что не были объединены с коренным крестьянством, а главное не знали своей славной истории Казачества.

Ваша мысль, выраженная в № 28-м, об издании истории Казачества есть самый благоприятный момент, когда не существует никакой цензуры; только такая история принесет пользу Казачеству и всякий казак, прочитав такую, познает сам себя.

Мы, нижеподписавшиеся казаки, приносим Вам сердечную благодарность за выслаемый Вами журнал „Вольное Казачество“ и за понесенные Вами труды в течение года и впредь желаем Вам дальнейшего успеха в Вашей плодотворной работе на пользу Вольного Казачества:

И. А. Туркин, Д. В. Писарев, И. Г. Морин, К. К. Ананьев, И. Е. Юрченков, Н. Кузнецов, Г. Калмыков.

II.

... В последнем номере „В. К.“ меня очень заинтересовал проект издания „История Казачества“. Если Вам удастся осуществить эту идею, то Вы, по моему, заслужите памятника еще при жизни...

4-II-29. Бельгия.

И. Е.

Не казаки о „В. К.“

I.

Шановний пане Редакторе! В імені українських емігрантів, мешкаючих в м. Холмі (Польща) щиро дякую за журнал „В. К.“ Щлю сердечний привіт і низький поклін всьому війську козацькому і бажаю в Вашому ділі та праці як найкращих успіхів, а тако ж як найскоршого повороту на свою Батьківщину.

5-II-29.

Микола Роженко.

II.

Шановний пане Редакторе! Недавно лише і цілком випадково дісталося мені до рук декілька чисел „В. К.“

Ваше завдання мене захопило, хоч сама ідея не є для мене новою... Я сам родом запорізький козак... оддавна щиро симпатизую зі східними козаками; в нашому визвольному рухові мав чинну участь і надіюсь, що моя праця може бути корисною нашому спільному ділу...

7 II-29. На Підкарп. Русі.

В. Т.

III.

... Не належучи сам до казаків, я цілковито співчуваю Вам, цій громаді козаків, що, зрозумівши становище цього козацтва, шляхетно і сміливо вступила в бій за своє національне визволення. Ще не так давно вас було мало... Ваші ряди збільшились... Все найбільш свідоме, коли ще не є в наших рядах, то принаймні вам співчуває...

В цій великій шляхетній праці бажаю Вільному Козацтву успіху.

6 II-29. Horní Černošice.

Н. К.

Казачья эмиграция.

Юбилей Ф. А. Щербинь.

2-го марта в 6 час. вечера, в отеле „Граф“, в Праге, состоится совместное торжественное заседание „О-ва изучения Казачества“, „Союза кубанских писателей и журналистов“ и „Союза казаков, окончивших ВУЗ в Ч.-С. Р., со следующим порядком:

1. Приветствие председателя.
2. Жизнь и деятельность Ф. А. Щербинь.
3. „Воспоминания“ Ф. А. Щербинь.
4. Отрывки из произведений юбилянта „Черноморцы“ и „Богдан Хмельницкий.“
5. Поздравления и поднесение адресов.

На заседание приглашается широкая эмигрантская общественность.

Вход по приглашениям.

Юбилейный Комитет, зложений з представників Українських Наукових, Культурно-освітніх та громадських установ і організацій в Ч. С. Р. улаштує урочисту Академію присвячену проф. Федору Андрійовичу Щербині з нагоди 80 літнього його народження.

Академія відбудеться у вівторок 26 лютого 1929 року о 10 годині перед полуднем в великій салі Гельголігного Інституту, Прага Ц, Альбертов 6.

Две станицы под одной крышей.

Румыния. Летом 21 года казаки, жившие в лагере Фагараш впервые связались с проживавшим тогда в Берлине, ген. Красновым, который их сразу же засыпал своими „открытыми письмами“. А через несколько недель позже казаки вошли в связь и с атаманом, ген. Богаевским и правительством, бывшими тогда в Болгарии, которыми к этому времени „в виду особого уклада казачьей жизни“ было прислано „положение о станицах в хуторах за границей“.

Ген. Краснов, с присущим ему одному из немногих слепым самомнением и беспредельной самоуверенностью в „казачий“ авторитет (расписывал, что „его все знают“), набивал растерянные и еще неопомнившиеся от „русской катастрофы“ казачьи головы новым „безоговорочным признанием „Миколая Миколаевича“. С присущей ему упрямостью он „открыто“ заверял, что стоит только „безоговорочно признать“ „Миколая Миколаевича“, и все казаки сразу очутятся дома. Кроме того, в его „открытых письмах“ ясно подчеркивалась его неприязнь к атаману, ген. Богаевскому. Значит, на „верхах“ ладу не было, а простому (атому, у которого недавно отобрали винтовку и засадили в лагерь) казаку много ли было надо, чтобы усомниться (русские „опыты“ еще звенели в ушах)...

И вот, как результат „неладов наверху“, в одном и том же лагере, в одном и том же замке, под одной и той же крышей образовалось две враждебно смотрящих друг на друга группы, две инакомыслящих „станицы“. Одна „монархическая“ — красновская, другая просто казачья, без всяких „политических“ тенденций.

Первые становясь на молитву, пели „Боже царя храни“, вторые „Отче наш“. Первые носили на рукаве особый монархический значок — эмблему „монархии“ (специальный образчик был получен казаками этой станицы от „монархического совета“), вторые ничего не носили; первые называли себя „русскими казаками“, вторые только казаками.

Правда, надо отдать справедливость, что в первой — „монархической“ станице было казаков (казаков без ковычек) не более десятка и еще, как на грех, каких-то „неделанных“ (ведь „в семье не без урода“) и еле-еле „письменных“. В виду чего „станица“ эта, хотя и избрала станичным атаманом казака, но принуждена была для большего своего „политического“ авторитета (хотя и было 70—80 „Ваньков“) пригласить в „почетные казаки“ одного русского генерала, презирующего всеми своими „безоговорочными“ фибрами казаков без ковычек. Эта старая, горбатая фигура генерала влезшего в „казаки“ (да еще „почетные“), была поистине карриатурой, когда председательствуя на „станичном“ сборе (сам атаман или не мог вести сбора, или стеснялся председательствовать при наличии „почетного казака“ в генеральском чине), он читая письмо от „царьши“ (получили и от нее) или от „главного монархического совета“, решал „казачьи дела“...

Не жаль было этого десятка казаков, которых дурчил этот „политикан“, а жаль было того, что так дерзко и бесцеремонно трепалось казачье имя. Ведь как бы то ни было, а писалось и к „царям“ и „царицам“, заверяя их в „безоговорочном“ казачьем подчинении. Кроме того, и в самом лагере этот „почетный казак“ порядочно подсаживал другой, немонархической станице, злоупотребляя для этой надобности своим генеральским мундиром перед румынской комендатурой.

И вот тогда несколько казаков из Прикарпатской станицы (немонархической) решили заделаться казаками „монархистами“, для чего подали просьбу (без этого нельзя было) о принятии их в Фагарашскую (т. е. монархическую) станицу, приложив отдельно подписки (вот в чем был весь секрет этой станицы) о том, что они „разделяют монархические убеждения“. На первом же состоявшемся станичном сборе „почетный казак“ был принужден оставить станичный сбор и никакие его угрозы ни „царями“, ни румынской комендатурой (на которую он особенно рассчитывал) не помогли восстановить его „почетное звание“ „почетного казака“, —

„монархиста“. Позднее, объединив эти две без всякой нужды существовавшие под одной крышей станицы в одну, станичный атаман объединенной станицы вычеркнул из общего списка „граждан станицы“ и остальных 70—80 „русских казаков“ (да они и сами не дерзали больше показываться в станицу после позорного изгнания объединявшего их всех „почетного казака“).

И казаки только тогда зажили дружной, казачьей семьей, когда не осталось между ними ни одного „русского казака“. Жили они в полной дружбе до самой ликвидации лагеря.

Тесная обстановка лагерной жизни не позволила создать казакам что-либо особенного в облегчение их лагерной жизни, но и то, что они имели, было уже хорошим доказательством их тесной спайки. Русские работали на обязательных по лагерю работах до последнего дня его ликвидации, тогда как казаки сумели, создав небольшой денежный фонд, иметь нанятых постоянных рабочих, которые и отработали казачьи наряды по лагерю. Немало выдавалось и безвозвратных пособий старикам и больным. Улучшался из того же фонда и скромный румынский паек, и казаки имели возможность есть в лагере такой же борщ, какой они ели и дома, а „почетные казаки“, получая фасоль из своего отдельного котла, только глотали слюнки.

В. П.

Цаган у калмыков.

10 февраля сего года калмыцкая колония в Ч. С. Р. праздновала свой национальный праздник „Цаган“. На открытии праздника присутствовала вся пражская калмыцкая колония, калмыки, работающие в разных местах, а также и о. директор русской реальной гимназии Я. Иос. Сватош и представители педагогического совета гимназии.

По установившейся традиции праздник открылся общим молебном в том же помещении чешской колонии в Страшницах, где происходили празднования и в прошлые годы. Затем происходила взаимные поздравления и состоялся общий чай.

После чая председатель Калмыцкой Комиссии Б. Н. Уланов обратился с кратким словом приветствия к собравшимся и сказал утешающие несколько слов поучения и призыва учиться и стараться быть полезным своему родному калмыцкому народу.

Выразив пожелание, чтобы будущий наш Цаган нам удалось встретить среди своего народа, сделав беглый обзор истории калмыцкой интеллигенции, указав, на жизненную необходимость изучения до полного совершенства своего родного языка и письма, чтобы через них вливать в душу и сердце своего народа общечеловеческую культуру, общечеловеческую идею, отметив огромную трудность создания кадра культурных национальных работников, Уланов сказал, что эту трудность мы до некоторой степени преодолели здесь на чужбине. Благодаря исключительной отзывчивости чешской общественности и Правительства, мы имеем около десятка студентов, несколько десятков гимназистов и много окончивших различные профессиональные школы. Это обстоятельство вы никогда не должны забывать... Жалкую судьбу влечет тот народ или отдельный человек, который на другой день забывает оказанную ему сегодня величайшую услугу.

Затем теплую по тону, глубокую по содержанию речь произнес п. о. директора русской реальной гимназии Я. Иос. Сватош. Между прочим он сказал, что ваше, калмыков, положение, как народа, очень трудное, т. к. вы окружены большими и культурными народами. Поэтому вполне естественно, если кто из вас будет поддаваться пессимистическому настроению относительно будущей судьбы вашего небольшого народа. Но я вам приведу пример из истории своего родного чешского народа. Было время, когда и чешский народ, окруженный огромным немецким народным морем, переживал тяжелое время. Это время было настолько тяжелое, что наш великий человек Добровский, основатель науки о славизме, считал чешский народ обреченным на ассимиляцию. Но теперь все вы видите, что мы не только сохранили свою национальную сущность, но живем са-

мостоятельной государственной жизнью. Этим мы обязаны главным образом неразрывности нашей интеллигенции с своим простым народом.

Точно также должно быть и у вас. Не беда, что вас немного. В истории мы знаем много примеров, когда рядом с большими народами, живут и процветают малые народы, сохраняя свою национальную сущность, свое национальное бытие. Только для этого нужно жить единой волей, единым сознанием. Народ и его интеллигенция должны представлять единую силу...

Вы все несомненно вернетесь к себе. Но если кто из вас тогда скажет, что мы люди образованные, приобщившиеся к общечеловеческой культуре, а наш народ необразован, некультурен и нам с ним нечего сливаться, то это будет не только ошибкой с вашей стороны, но и большим национальным преступлением. Ваш национальный долг — слиться воедино с своим народом и с помощью родного языка и письма поднять свой народ до уровня среднего европейски-культурного народа. Ваша семья должна быть тесно сплоченной. Лишь тогда вы можете сохранить свое народное лицо, свое национальное бытие, лишь тогда вас не поглотит окружающее вас море...

Соблазнов на свете много, но горе тому, через кого этот соблазн войдет в вашу семью и разединит ее, ныне такую дружную, единую. Если когда-нибудь кто-нибудь из вас послужит препятствием жизненно-необходимому для вас и еще более широкому и тесному слиянию всех вас, то этот человек совершит величайшее национальное преступление...

После чая и приветствий состоялась раздача детям традиционных калмыцких „бэлэков“. Затем ученики пошли в Народный театр, где шла прекрасная чешская опера „Proclama nevesta“. Такое удовольствие ученики могли получить благодаря присылке калмыками, живущими во Франции, некоторой суммы денег Калмыцкой Комиссии на устройство детям праздника. (Было прислано через Маглинова 337 чешских корон и через М. Буджалова 120 фр. фр.).

Царилло общее праздничное оживление, радостное настроение...

Ш. Б.

Джигиты

(От соб. кор.'а).

Брюссель, 4-го февраля 1929.

Совершенно случайно встретил здесь на днях С. В. Панасенко, кубанца-джигита, подвизающегося теперь во Франции. Он сообщил мне, что в Антверпенском королевском цирке выступает группа казаков-джигитов Е. С. Ященкова.

— Если есть возможность, поезжайте в Антверпен поглядеть на их работу. Побей меня Бог — не пожалеете.

Посагать в Антверпен — дело не страшное: что-то около 40 минут поездом. Пропустишь случай — потом и пожалеешь.

В воскресенье после обеда поехал с тем расчетом, чтобы попасть на „matinée“... Подошел к цирку — толпа страшная. Поглядел на табличку с ценами — под ложечкой засало: сплошное безобразие. Произнес мысленно фамилию Ященкова, — знакомым чем-то повеяло. Всякими правдами и неправдами добрался до артистических уборных и поговорил знаками и глазами с какими-то не то мексиканцем, не то ново-зелландцем, добрался, наконец, до казаков. Представился. Приняли очень хорошо. Немедленно же разговорились. Да еще так, как будто сто лет знали друг друга. Г. С. Ященков оказался моим станичником, как я и предполагал. Ну, а я вас спрашиваю: как вы себя чувствуете, когда встречаете своего станичника? „Vedete“ группы — маленький, стройный и какой-то пружинный И. К. Сопильняк, кубанец. По признанию других, не состоящих даже в этой группе казаков, это — лучший джигит за границей. Остальные джигиты группы: Г. С. Рябчун (кубанец), Н. О. Врановский (донец) и Д. Г. Плешаков. В состав группы входят также две казачки: жена Сопильняка Зинаида Ивановна и жена Врановского Зинаида Анатольевна.

Поговорили этак с часок, а потом меня повели в цирк. Цирк, конечно, как цирк: клоуны, жонглеры, акробаты и пр. Казаки выступали непосредственно после номера какого-то мексиканца, который вместе со своими тремя сестрами — мексиканками в продолжение 25 минут выделывал всевозможнейшие выкрутасы с лассо. Номер этот хоррший, но, откровенно говоря, мне кажется, что в арканном, так сказать, смысле наши лихие калмыки, могли бы дать этому мексиканцу 10 очек вперед.

Перед выступлением казаков, на арене поместили искусственный костер. Огни были потушены и только один прожектор очень эффектно освещал центр арены. Выехали о ни я другим все. Положили лошадей и устроились у „костра“. Оркестр играл, кажется, „Молитву Шамиля“, а Сопильняк, изображая, видимо, горца-мусульманина, молился по восточному. Сцена эта очень эффектная. Вы, может быть, скажете что это...

того... немножко пахнет известного рода... клюквой? Я же, признаться, запаха этого не учуял, т. к. не вижу ничего предосудительного в том, что казаки, одетые в черкески, на минуту преобразились в горцев, не так уж и чужих нам по духу. А для бельгийцев важно что? То, чтоб было красиво. В смысле же религии для здешней широкой публики, как говорится, все едино: раз не католик, — значит басурман. Где там разбираться в разных тонкостях! После „молитвы“ оркестр заиграл лезгинку, и начались танцы. Танцевали Врановский и Сопильняк с женой. На пляске останавливаться не буду, так как вы и сами знаете, что такое лезгинка, но замечу, для сведения, так сказать, что Сопильняк умудрился плясать с восемью кинжалами в зубах. Один из сидевших впереди меня бельгийцев от восторга чистосердечно и смачно выругался:

— N. d. D!

Группа казаков-джигитов Е. С. Яценко в Антверпене.

Потом начался джигитовка. Джигитовали все блестяще, несмотря на то, что круговое движение должно было-бы, кажется, послужить затруднением. Да и арена довольно маленькая. Последнее обстоятельство, по словам Сопильняка. — ерунда, т. к. все же цирковая арена больше тех сцен и эстрад, где эта же группа выступала.(1). По мнению Сопильняка — 36 квадратных метров — совершенно достаточная площадь для джигитовки.

Лучше всех, конечно, Сопильняк. Думаю, что другие не обидятся, так как это и их мнение. Бури аплодисментов заслужила З. А. Врановская, не уступающая в лихости и легкости казакам. Мой белый нец отозвался о ней коротко и ясно:

— Вот это женщина!

После представления, пошли всей кампанией в ближайшее кафе, чтобы выпить во славу казачества по кружке пива.

— Слава Богу, мы — казаки!

За кружкой пива И. К. Сопильняк очень красочно рассказал о том, как несколько лет тому назад, он, в числе 5 казаков „дал пить“... Французский кинематографический режиссер Abel Gance, которого Сопильняк называет „Аблигансом“, готовясь к постановке фильма „Наполеон“, должен был из каких-то 300 кандидатов (французов, англичан, ковбоев и т. п.) выбрать что-то около 15 лучших наездников, необходимых ему для фильма. Нужно-ли вам говорить, что в числе из-

бранных оказались все 5 казаков. Почему — вы сами знаете.

Рассказывали мне также и о том, как зарождалась мысль показать иностранцам казачью джигитовку.

И. К. Сопильняк с блаженной улыбкой сообщил мне, что если бы не помидоры с молоком, так может быть ничего бы и не вышло.

— Седла были, но на одном седле, без коня, далеко не уедешь. Собралось нас несколько человек и решили: отлаживать деньги на покупку коней. А так как достигнуть этого можно было только затянув крепко живот, то и постановили:

— Лопить помидоры, запивать молоком и на урчание в животе обращать „ноль внимания“. Оставшиеся-же франки складывать в общую кучу...

Гонорили долго, вплоть до вечернего представления. ● чем говорили? Что за вопрос! О чем, главным образом, говорят казаки, когда соберутся в кучку и когда один из них хоть пол-словом обмолвится о том, например, что собственно говоря, хутора Усть-Белокалитгенской станицы Крупенской и Щербо-Нефедовской называются так только на бумаге, а на самом деле они — Поганов и Свинаяре, и что вместе с хутором Погореловым они составляют, так сказать, известного рода букет... Стоит только кому-нибудь начать, а потом пойдет!

Поэтому, мне кажется, вам будет понятно, почему,

собственно я остался недоволен своей поездкой в Антверпен. А если непонятно, так скажу:

— Все шло как по маслу, а как приехал из Антверпена — хоть брось! Мысли всякие, тоска и прочее... Как будто цапнул кто-то булавкой по сердцу.

Е.

Едут.

Стяжавший себе мировую славу хор Донских казаков „Платов“, после исключительных успехов в Париже Ницце, Лионе, Марселе и др. городах Франции, а также Италии, Австрии, Сербии и Венгрии, снова приезжает в Румынию.

Уже целый месяц румынские и русские газеты трубят о его славном приезде и уже целый месяц белые донцы украшают страницы газет.

На этот раз большого турне казачьего хора в его маршрут входит и Бессарабия, где казаки давно уже стремились показать казачье музыкальное искусство, но им это из-за разных причин не удалось...

Теперь, благодаря уважаемому министру Бессарабии, госп. Халипе, исходатайствовавшему перед центральным правительством разрешение казачьему хору на его въезд в Бессарабию, последнему удается первому (из всех казачьих и русских заграничных хоров) попасть в Бессарабию.

Свое большое турне по Румынии хор „Платов“ начнет с Кишинева, а потом последуют Бендеры, Бельцы, Измаил и др. города Бессарабии.

Окончив турне по Бессарабии, хор даст целый ряд концертов в Старой Румынии, а затем и в Трансильвании.

Рады прибывающему к нам казачьему хору все, а мы, казаки, рады больше всех.

Желая вам успеха, дорогие станичники, надеемся, что и на этот раз вы сумеете показать себя на должной казачьей высоте.

Добро пожаловать!

В. П.

Спасибо!

Представители журнала „В. К.“ в Болгарии пожертвованы на чествование памяти казаков, павших во время противобольшевицкой войны: русским доктором медицины Александром Мартыновичем Бурдзе сто лев (100), болгаринном доктором г. Георгиевым пятьдесят (50) лев, Д. А. Филипповым двадцать (20) лев.

Деньги в день панихиды были переданы Атаману Софийской казачьей станицы.

Представитель журнала „В. К.“ в Болгарии приносит глубокую благодарность жертвователям.

В Братиславском Студенческом Хуторе.

4-го февраля состоялся очередной сбор-чай, приуроченный к 3-хлётнему юбилею хутора.

В повестку дня был внесен Правлением и пункт о перевыборах исполн. органов хутора.

До сих пор, однако, порядок был таков, что перевыборы по хуторам производились вслед за перевыборами исполнительных органов в станице. Таковые же, как известно, еще не состоялись.

Из доклада Правления хутора выяснилось, что отступление от традиции было вызвано неопределенной позицией Станичного Правления О. К. С. С. в отношении созыва Станичного сбора.

Резолюция хуторского сбора по этому вопросу, имеет в виду „нажим“ на ст. Правление, совместно с Бренским и Цирибракским хуторами...

Новое хуторское Правление было сконструировано в составе:

Атаман хутора Растворов П. Д.; Пом. ат. (он же казначей и библиотекарь) — Бойко Ив. С.; Писарь — Маслов А. С. Все кубанцы.

В ревизионную ком. прошли: Председ. — Желдаков С. А., члены ком. — Чаусов А. Н., и Зиньковский С. Е., за-

пасный член — Параонов И. Н., делегаты на ст. сбор были избраны: Зиньковский С. Е. и Желдаков С. А., кандидатом к ним Бойко И. С.

Состав хутора в настоящее время — 19 человек.

И. Б.

Братислав 5-II.-1929.

О-во изучения Казачества.

2-го февраля в Праге состоялось годовичное собрание О-ва.

В первой части собрания были зачитаны два доклада: инж. В. И. Терешенко: „Дунай, как водный путь на Кубань“ и д-ра С. Федорова „Кубанский поэт Гнат Макуха“.

Инж. Терешенко в очень интересном докладе о проблеме Дуная, как торгового пути в казачьи Края, показал слушателям всю важность этого речного пути как для самой средней Европы, так и для всего бассейна Черного моря, особенно его северной части. В свое время мы познакомим наших читателей более подробно с этой важной темой.

Д-р С. Федоров ознакомил присутствующих с личностью Г. С. Макухи и характером его творчества.

Правление О-ва дало отчет о работах секций, которых к 1929 г. состоит 5: историческо-бытовая, государственно-правовая, библиографическая, экономическая и литературно-журналистическая; о материальном состоянии О-ва, работающего исключительно на средства членов и изложило проект издательской части.

О-во выпускает биографию своего почетного члена Ф. А. Щербины, ко дню его юбилея.

В дальнейшем Общее Собрание утвердило прием 17 новых членов, поручило Правлению организовать редакционно-издательскую комиссию с привлечением специалистов и избрала вместо отъезжающего в Сирию секретаря О-ва В. Ф. Мельникова — инж. В. И. Терешенко.

Затем было решено послать Г. С. Макухе приветствие от имени О-ва по случаю его юбилея и поднести адрес Ф. А. Щербине в день чествования его 80-тилетия на торжественном заседании 2 марта с. г., устраиваемом О-вом совместно с Союзом Кубанских журналистов и писателей и Союзом казаков окончивших высш. уч. зав. в Ч.-С. Р.

Наглядный урок!

Недавно состоялись выборы в Правление ОРОВУЗ (Объединение Русских, Окончивших Высшие Учебные Заведения). Несмотря на резонное указание, что казакам в этом Объединении делать нечего, а нужно войти и усилить свою казачью аналогичную организацию, группа „верных“ казаков входила в это Объединение, составив в нем, так называемый, „Казачий Отдел“.

На последних выборах в Правление Объединения, несмотря на все усилия „Казачьего Отдела“, ни один его кандидат не прошел в исполнительные органы ОРОВУЗ'а. Говорят, что это случилось по приказу „свыше“ — был издан „приказ“, где говорилось, что „банда казаков собирается захватить руководство в Объединении в свои руки. Придите все русские, чтобы дать отпор этой казачьей банде“. Русские, послушные приказу, явились на Собрание и прокатили „верных“ казаков „на черных“.

Достойная награда казакам за их верность!

Так было, так есть и так будет. За изъятие любви — эпитет „бандиты“, за верность и преданность — презрение и ненависть!

Не пора-ли казакам „постыдиться людей“ и перестать навязываться со своей любовью к тем, кто ее не принимает. Не пора-ли казакам перестать обивать барские пороги и заговорить, наконец, единым достойным казачьим языком и, не спрашиваясь „хозяев“, самим взять то, что казакам принадлежало и принадлежит.

Ведь что жалуется, то легко и отбирается тем, кто „жалует“. И лишь то, что завоевано самим, остается.

вечно. Эту простую истину казакам пора, наконец, усвоить.

Разительный пример, подтверждающий эту последнюю очевидную истину — последние выборы в ОРОВУЗ. В свое время это Обединение, в целях разрушения Союза Казаков Окончивших Высшие Учебные Заведения (СКОВУЗ), „пожаловало“ группе „верных“ казаков „Казачий Отдел“.

Теперь выяснилось, что СКОВУЗ не разрушился, а, несмотря на наличие „Казачьего Отдела“, живет полным темпом и успешно развивает свою работу.*) Следовательно, надобность в „Казачьем Отделе“ отпала. Вот почему ОРОВУЗ с таким легким сердцем выбросило этих „верных“ казаков, с каким выбрасывают выжатый лимон. Во всяком случае, сказали: хотите быть на посылках у нас — милости просим, а нет, так убирайтесь!

Послужит-ли этот наглядный урок на пользу „верных“ казаков?

Б. Ш.

В Братиславе.

15 февраля состоялась панихида (устроенная по инициативе Правления Хутора) по Атаманам: А. Каледине, Н. Успенскому, М. Караулоне, А. Дугове, по всем Войсковым и Кошовым Атаманам, казачьим вождям, казакам и казачкам „на поле бранном убиенным, от ран и болезней скончавшимся и в смуту погибшим...“

Б. И.

Молодые инженеры на работах.

I

(письмо из Вильно). *

... В январе получил назначение в Вильно. Сейчас я и С. (инженер-агроном) чертежниками в землемерном отделе. Пустили нас в отдел по X-му классу. Контракт подписали. Весной надеемся значительно улучшить и упрочнить свое положение. Настроение приличное. Изучаем снова геодезию... Вечера свободные, думаем потому искать чертежной работы на дом. Скучновато пока. Но вообще не унываем и думаем, что все пойдет хорошо...

С. Т. (агроном)

II

(письмо из Франции. Париж).

... В Париже я, между прочим, живу уже две недели. Город ничего себе, люди больно только суетные — бегают, мечутся туда-сюда, толкаются. Только разве здесь руками.

А я вот в конторе одной служу. Железом с Бельгией торгуем. Я то, собственно, не торгую, а вот тут дядя один есть — в котелке, с тросточкой, уши лопухами врозь в нос крючком — так вот он торгует, а я всякие „входящие и исходящие“ записываю. Смотрю на них, как гусь на луну, и скучаю.

Много я между прочим занятий испытал; даже „метеором“ хотел стать однажды; метеорами, говорят, ловинишки здесь называются. Ну а по моему так они называются вовсе по другому — просто сидит человек на землю, прогорит и исчезает с горизонта, словно бы метеор это и был. Вот недавно Ф. Чирков и Ко прометеорились тысяч на 30, примерно.

А раз так вот землемером хотел я стать, в Колумбию землемеры потребовались. Узнал я об этом и зашагал в ОРОВУЗ (есть и тут такой) немедленно. Конечно, мне там рекомендательное письмо к полк. А. — я к нему. Тот реком. письмо к Ф., — я к нему. Тот реком. письмо к ген. Ш. — я к нему, а устал уже надо сознаться, здорово.

*) Представитель его, Колачов, выехал в Америку и сейчас находится в Нью-Йорке.

„Садитесь, — говорит ген. Ш. — я вам несколько вопросов предложу“.

„Господи благослови, думаю, всю-то геодезию давно забыл, да и вообще смелости у меня больше, чем знаний по землемерию. А он мне вопросы?“.. Начал генерал вопросы задавать: „Ваш чин?“ „Что?“ „Ваш чин какой?“ „Чин, говорю, мой — агроном ученый“... „Да нет, не то. Капитан вы или подполковник?“ „Ага, говорю, понял. Хорунжий я, в отставке теперь“. „Вы в отставке?“ — удивился генерал. „Не могу знать, говорю, может и не в отставке“. — „Так, вы, может и не хорунжий?“ „Так точно, говорю, может уже и не хорунжий“. „Гм, странно... Ну да ладно, я вам дам рекомендательное письмо“... И застрочил. Пошел я с письмом к ген. Ш., но у него мне не повезло, три раза дома не застал. Одним словом и рассказывать об этой истории лень.

Вообще жизнь здесь не неслая. Г. офицеры по субботам в собраниях сходятся, младший в чине обносит всех. И меня звали, не пошел я — не хочу обносить.

П. В. на днях подал рапорт ген. У. „Ваше Пр-во, шаздрите жениться“. А его пр-во не разрешило; П. В. женился, а его за то из „части“ и исключили. Он огорчен страшно, все сожалеют. Вообще говоря, климат здесь нукудышней — морской чтой-то какой-то, черт его знает, а только я вот по континентальному соскучился и с удовольствием бы к вам поближе переселился...

Е. Е. (агроном).

III

(письмо из Польши. Гродно).

... Пишу из Гродно, куда приехал 26 января. В Гродно, кроме меня, попал еще один украинец из Подебрэд. Тотчас по приезде я подписал контракт и приступил к работе. Работаю сейчас по землемерному делу, пока что приходится только чертить; с мая буду работать в поле. Есть надежда, что меня переведут на агрономический отдел. Главным препятствием к этому служит мое незнание языка. С переводом на агрономический отдел сразу же изменится мое материальное положение, потому что там бы я получал плату по VIII категории, а пока что получаю по X-й, что составляет 212 злотых. За квартиру и стол плачу 140 злотых, т. е. кое-что и остается. С мая месяца, когда начнутся полевые работы, буду получать, кроме жалованья, еще 9½ злотых ежедневно, считая и праздники. Устроиться же по агрономии здесь можно довольно легко, спрос большой — но прежде надо выучить язык; без языка дело дохлое.

Соприкасаться мне здесь приходится с украинцами — есть здесь группа человек в 25, хорошо сбитая и довольно компанейская. Донцов по их сведениям в Гродно и окрестностях находится ирядное количество, но не организованы...

А. Ж. (агроном).

Доклад Быкадорова.

9 февраля в украинском клубе в Ржевнице, по просьбе представителей местной украинской колонии И. Ф. Быкадоровым был сделан доклад.

Содержанием доклада послужили краткие выдержки из основных тезисов его исторического труда о происхождении казачества, который ожидается к выпуску в ближайшее время.

Письмо в редакцию.

М. Г., Господин Редактор!

Просим Вас поместить в Вашем уважаемом журнале наше заявление о том, что с февраля месяца 1929 г. мы не считаем себя членами Литературной Казачьей Семьи.

Михаил и Любовь Самсоновы.

В Казачьих Землях.

Хозяйственная жизнь.

Недород в истекшем году и вполне очевидный хлебный кризис в настоящее время заставляет коммунистов особое внимание уделить сельскому хозяйству. Но насаждение коммунистических имений в виде колхозов и совхозов, в которых царит в большинстве анархия, разорение самых лучших и жизнеспособных хозяйств под лозунгом борьбы с „кулачеством“, не сулят большевикам оздоровления сельского хозяйства.

Кроме того, на грубых цифрах „Экономического Вестника“ видно, что с сельского населения всего союза вымается сов. властью 327 милл. рублей, на укрепление же с. х. отпускается всего лишь 516(!) милл. руб. Какое же поднятие с. хозяйства, когда с него берут, по советским сведениям, в качестве различных видов налога ¹ /, всего дохода, определенного сов. фин. органами!

Какое же возможно укрепление хозяйств Северного Кавказа, когда за истекший год с населения его взято 1.261 мил. руб., населению дано 103 мил. рублей, когда ¹ /, всего экспорта СССР составляют товары Сев. Кавказа (173 мил. руб.), импорт же составляет 485 мил. рублей? Ведь это умышленный, сознательный грабеж Казачьих Земель!

Посевная кампания стала сейчас одним из центральных вопросов работы на Северном Кавказе. В основном все проводимые мероприятия сводятся: к повышению посевного ярового клина (ибо озимый посев в большинстве погиб), повышению урожайности.

В общем, о подготовке к посевной кампании большевики говорят довольно много, говорят на совещаниях, указывают в циркулярах, докладывают на собраниях. Но в действительности рисуется тяжелое положение дел; оказывается, что к практической работе не приступили.

На днях в „Правде“ № 16 писалось, что в предстоящий сев не удастся использовать 5.000 тракторов из-за отсутствия запасных частей. Остро скажется и недостаток запасных частей к с.-х. машинам.

На запрос Наркомзем'а конвенция с.-х. машиностроения (Сельмашинконвенция) ответила, что сейчас уж поздно вести борьбу за ликвидацию дефицита запасных частей; какие бы героические меры не были приняты, спрос хлеборобов полностью удовлетворить уже не удастся.

Конечно, не выполнены и импортные планы: „Форд“ опоздал с выполнением принятых им обязательств“.

Земледельцы жалуются на сельскохозяйственные машины советской продукции, работоспособность которых очень плохая и качество никчемно, так, напр., плуги делаются не из стали, а из железа, шестерки к косилкам ломаются точно стекло.

Ко всему этому необходимо добавить, что во многих местах нет зерна для посева. Зерно осенью пришлось отдать хлебозаготовительным органам советской власти.

Семенную ссуду большевики дают преимущественно своему сектору и в первую очередь колхозам и совхозам.

„Частным хозяйствам льгот нет никаких, в то время как принуждают засеять большую площадь. „А как ее засеешь — зерна мало, а засеешь — все налог сожрет, а потом ссылай, по урожаю, весь хлеб, оставив полагаемое на едока“.

(из письма с Дона).

На почве экономического, промышленного и продовольственного кризисов растет недовольство населения, обостряется борьба с советами. Очереди у кооперативов, очереди у пекарен — свидетельствуют о банкротстве большевиков. Но это и грозное предостережение. „В них открытый, возможно, последний бунт экономиче-

ских сил против насилия над ними. Голодных, бунтующих людей можно расстрелять, как это делало царское правительство, как это делают большевики, но бунтующую экономику ни расстрелять, ни подавить нельзя. Здесь остается или уступить, либо, если нет уступки в данных условиях или для данного режима уже невозможно, — быть скинутым с исторической дороги, как была скинута царская власть“. Зимние и первые месяцы весны будут самыми тяжелыми для населения.

В. Г.

С Кубани.

Опять у нас начались страшные времена для интеллигенции — снимают со службы, отдают под суд, ссылают. Вот Н. Н. еще до войны был акцизным инспектором и при большевиках оставался им восемь лет, а сейчас сняли и ведут следствие — мол, когда кубанская армия покинула Кубань, так он на два месяца ушел в горы, а потом вернулся и служил все время. Доказывая теперь, что ты боялся большевиков! Соловков не миновать бедняге.

И от сестры получила отчаянное письмо — сын, единственный кормилец, снят со службы, только за то, что „бывший“ человек, хотя больше восьми лет усердно служил по кооперации и адреса благодарственные получал; был безукоризненного поведения, поседел в 30 лет и нажил туберкулез. Исключат и из профсоюза; у нас это делается; словом волчий билет; другими словами — смертный приговор всей семье. Старик отец снят с биржи по старости лет, мать больная старуха, жена с туберкулезом и тоже без места — ее вина, что она жена „бывшего“ человека. И ничего нет и никого нет, кто бы хоть чемнибудь поддержал. Что это будет, не знаю. У них даже мелькает мысль о коллективном самоубийстве, выхода нет. Дочь моя тоже так — бежала от нашей жизни в Забайкалье, там хоть не знают.

С сыном опять хуже — только в прошлом году восстановили в правах, а теперь опять лишили права голода, как „домохозяина“ (у нас ведь домохозяева преступный элемент), хотя домохозяиство его всего навсегда заключается в том, что он живет в моем, к тому же национализированном и условно возвращенном доме (чтобы не развалился). А дом совсем бездоходный, только теперь 25 руб. приносит, да и те уходят на ремонт — печи попортились, пожар был, а теперь подгнивший потолок провалился и с балками. Ведь квартиранты платили по закону — % от жалованья, один за комнату в 42 квадр. арш. 95 коп. (брал пятак сдачи), а жалованье имел 80 руб., а доктор занимавший зал и кабинет — 2 руб. в месяц, а он был заведующий больницей и практику имел. Квартиранты вселялись и вселялись сами, нас не спрашивали, а за водой все соседи к водопроводу — лужа вечно во дворе стояла и кран обломали, а запретить нельзя — народное достоиние. Я же, как „частница“ платила за свои 7½ кв. аршин — 7 р. 50 коп., весь же мой доход (от детей) и 20—25 руб. в месяц не составлял. Так вот и живу — 8-10 руб. проедаю, остальное за квартиру, воду, лечение, почту и не голодна, слава Богу, обед сварю из одного блюда на 3-4 дня, а там подкармливаюсь...

В Екатеринодаре.

... На счастье зима у нас в этом году легкая, раза два только, дня по два доходило до 8—10°C, а потом опять тепло. Первый снег выпал под Новый год по ст. стилю — 14-го января, два дня полежал и стаял, а на Крещение — 19-го такая теплынь была, что я вспоминал когдешние времена, когда мы на Водосвятии прятались под чужие зонтики от солнца. А вот у вас большие зимы. Удивляюсь, что устраивают там люди такие дикие печи, не дающие тепла; не юг же у вас...

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 1.

Вышла из печати книжка

И. А. БИЛОГО

„КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ“

Отдельный оттиск исправленных статей из номеров 19—23
журнала „В. К.“, с приложением таблиц и карты Земель
Европейского Казачества.

Ограниченное количество экземпляров поступило в продажу.

Цена 5 к. ч.

Обращаться в редакцию „Вольного Казачества“.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 2.

Готовится к печати книга

И. Ф. БЫКАДОРОВА

I. Историческая жизнь на Востоке Европы и происхождение Казачества.
II. Образование вольных казачьих республик (Донского, Волжского, Яицкого
и Терско-Гребенского Войск), и основы их существования в период государственной
независимости (до 1671 года).

Открыта подписка на 1929 год

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество ≡ ≡ Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0,75 зл.,
в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других
странах — 15 ам. ц.